

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФРОДИЙ БУСЛАЕВ™

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ВРАГ

ХУЛИГАНСКОЕ ФОНТЕЗИ!

Мефодий Буслаев

Дмитрий Емец
Самый лучший враг

«Емец Д. А.»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Емец Д. А.

Самый лучший враг / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2016 — (Мефодий Буслаев)

ISBN 978-5-699-88917-4

Когда-то давным-давно, когда не было ни нашей планеты, ни Солнца, ни звезд, ни даже времени и пространства, произошел огромный взрыв, от которого осталась частица первоматерии. Она способна подарить невиданную силу, вылечить любые раны и выполнить одно-единственное заветное желание. С незапамятных времен этот артефакт хранился в Запретных землях, под присмотром титанов, черпавших у него свою мощь, но затем исчез. Много столетий его искали, а вот теперь он появился в Москве. И значит, все магические существа со всех сторон света потянутся к нему за исцелением. Но Мефодию нужно не исцеление – частица первоматерии способна помочь Арею, томящемуся в страшной Расщелине Духов. И бывший наследник Мрака сделает все, чтобы освободить своего учителя. Однако у его друга светлого стража Варсуса тоже есть заветное желание, и он жаждет добраться до артефакта первым...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88917-4

© Емец Д. А., 2016
© Емец Д. А., 2016

Содержание

Глава первая. Создания первохаоса	6
Глава вторая. Всеобщий друг	20
Глава третья. Прогулки по лесу как основа здоровья	34
Глава четвертая. <i>Nemo omnia potest scire</i> [1]	41
Глава пятая. Флейта, крылья и спата	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дмитрий Емец

Самый лучший враг

© Емец Д., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Если кого-нибудь любишь и чувствуешь там где-то алтарь – не входи туда, напротив, обернись лицом в другую сторону, где все погружено во мрак, и действуй только силой любви, почерпнутой из источника позади тебя, и дожидайся в терпении, когда голос тайный позовет тебя обернуться назад и принять в себя прямой свет.

М. Пришвин. Дневник. 1918 год

Поймал себя на том, что не могу создать ничего, не связанного с чем-либо, уже существовавшим в мире до меня... Звуки маголодий, люди, природа, переживания, даже сами мои мысли и слова, которыми я это выражаю, – все это уже было. Жизнь как холст, впечатления – как готовые краски. То есть основа творчества находится не во мне! Есть нечто, что больше меня и что является единым источником всякого возможного творчества во Вселенной!

Более того, мое собственное творчество – или то, что я считаю таковым, – только тогда обретает силу, когда я опираюсь на это универсальное, могучее, вечно существующее. Когда правдиво отражаю его. И чем дальше я от этой внутренней правды, тем слабее выходит то, что я делаю.

Корнелий

Глава первая. Создания первохаоса

При дуэли с огнестрельным оружием большое значение имело расстояние между противниками. Для Западной Европы 15 шагов было минимальным расстоянием между барьерами, а обычным считалось 25–35 шагов. В русских поединках это расстояние колебалось от 3 до 25 шагов, чаще оно было 8–10 шагов, в крайнем случае 15, если дрались на пистолях... Самой опасной была дуэль «через платок», когда из двух одинаковых пистолетов секунданты заряжали только один, участники выбирали оружие, брались за диагонально противоположные концы карманного платка и по команде распорядителя стреляли. Оставшийся в живых понимал, что заряжен был именно его пистолет.

М. В. Короткова. «Традиции русского быта»

Все как прежде. Та же небольшая кухня Фулоны. То же пятно отражающейся в стекле лампы. Тот же размытый ночной двор за окном, отблескивающий серебристыми спинами припаркованных машин. Те же пятна света на многоэтажке напротив, делающие ее чешуйчатой, рыбной.

Все так же, но не так. Сейчас от этой привычности скребет душу. Поворачиваешься на круг знакомого лица – и понимаешь, что лицо это совсем-совсем другое. А то, что померещилось, того уже нет и никогда не будет.

Но есть и знакомые. Вот Ирка с Багровым. Вот на своей тележке сидит Дион. Руки у него задорно скрещены на груди. Так же лихо торчат кончики мушкетерских усов. На оруженосцев Дион поглядывает с вызовом. Ну-ка! Может, кто-то хочет что-то сказать? А не сказать, так ухмыльнуться? А, господа? Кто первый?

Но оруженосцам хватает ума не связываться. У многих еще болят кости после последней тренировки, когда Дион в одиночку раскатал семерых. Просто голыми руками, ни разу не прибегнув к своим ножам.

Рядом с Дионом стоит и Варсус – худенький юноша в свитерке. Сейчас он сама скромность, всем своим видом подчеркивает, что он только оруженосец Брунгильды. Так и Виктор Шилов сейчас просто оруженосец Прасковьи. Сидит на подоконнике и от нечего делать грызет апельсиновые корки, которые сушит Фулона. Кто-то сказал ей, что они отпугивают моль. Корки горькие, жесткие, но Шилов все равно их грызет, кусая их крепкими, неровно растущими зубами. Страшный зарубцевавшийся ожог на правой щеке не виден: эта щека обращена во двор.

Вот Гелата, бледная, с синими кругами под глазами. Сидит в кресле, которое специально для нее принесли из комнаты, и улыбается слабой, но счастливой улыбкой человека, ощущающего в себе возрождение жизни. Гелате лучше, свет сумел исцелить ее, но она потеряла много крови и очень слаба. По лестницам оруженосец носит ее на руках.

Дафна с Мефодием на кухне не поместились, поскольку кухню хоть и расширили пятым измерением, но небрежно, всего на несколько метров. Дафна сидит на складном стульчике, приобретенном оруженосцем Фулоны для зимней рыбалки, а Мефодий опирается руками о ее плечи. В рюкзаке у Мефодия тетрадь с переплетом на пружинке. В тетради он уже которую неделю ведет учет всех оставшихся на земле магических животных. Это первое его серьезное задание, полученное от Троила. Учет правильный, научный, по видам, подвидам, родам, семействам – все же обучение на биофаке не прошло даром.

Здесь же и Эссиорх. Он приехал на мотоцикле и теперь то и дело, приподнимаясь на цыпочки, выглядывает в окно, опасаясь, что либо мотоцикл угонят, либо обледенеет бензин в шланге бензонасоса и потом не заведешься. Его мотоцикл капризен, как любимая женщина.

Улита (другая его любимая женщина) с Люлем, приехавшие на такси, оккупировали комнату. Маленький Люль один ухитрился занять больше места, чем десять оруженосцев. В коридоре стояла его коляска, с колес которой, подтаивая, стекала грязь. Повсюду валялись комбинезоны, колготки, шапки, варежки на резинке, майки и слюнявчики. Мусорное ведро, принявшее в себя два раздутых памперса, не могло больше вместить даже фантика. Брезгливая Илья старалась вообще не смотреть в эту сторону.

– Памперс перегнивает двести лет! Представляешь: ребенок уже давно старик, а на свалке лежит его мало изменившийся памперс! – сказала она оруженосцу.

Оруженосец кивнул, прислушиваясь к доносившимся из комнаты воплям и улюлюканию. Улита подпрыгивала с Люлем на руках. Люль хохотал. Пол сотрясался. Соседи снизу хоть и стучали по батарее, но довольно тихо. Еще бы: где им набраться сил и найти что-то твердое в два часа ночи? Максимум нашарили в темноте тапку.

Фулона потрогала раскаленный бок чайника. Задержала руку чуть дольше, чем это требовалось. Поморщилась. Посмотрела на своего оруженосца. Тот перестал щипать струны гитары.

– Ну что... – валькирия золотого копья кашлянула, поскольку и сама испытывала некоторую робость. – Все здесь?

– Кроме одиночки. Эти одиночки всегда в своем репертуаре, – Хаара бросила полуколючий-полунасмешливый взгляд на Ирку.

– Ничего страшного! Видно, что-то ее задержало, – миролюбиво сказала Фулона. – Ну что ж... В таком составе мы собираемся впервые. Давайте знакомиться! У нас пятеро новеньких... Начнем с Прасковьи, валькирии ледяного копья! Вдруг кто-то из оруженосцев ее еще не знает...

Прасковья резко вскинула голову. Чай в ее чашке закипел и испарился. Все любезно сделали вид, что ничего не заметили. На Прасковье был свитер ее любимого алого цвета, такого яркий, что и смотреть на него было больно.

Малютка Зигя, примостившийся у ног мамочки, оглушительно чихнул. Экспериментируя, он только что попытался втянуть через нос шоколадку, и фольга его защекотала. Хаару, оказавшуюся по курсу его чиха, отодвинуло на метр вместе с табуреткой.

– Милый ребенок! – сказала Хаара.

– Да, – с вызовом подтвердил Шилов. – Так и есть. А что, кто-то не согласен?

Поняв, что назревает ссора, Фулона незаметно переместилась между Шиловым и начинающей багроветь Хаарой.

– Еще один новичок! Арла – валькирия медного копья! Копье призвало ее на место погибшей Холы, – представила она.

О гибели Холы Фулона упомянула очень просто, без кокетливых ужимок с зашкаливающим страданием, которые часто сопровождают чужую смерть, и потому это не выглядело как предательство.

Арла привстала, показываясь тем, с кем еще не была знакома. Новая валькирия медного копья была задумчивая девушка-ветеринар. Высокая, с бледным лицом и длинными темными волосами, которые она носила распущенными. До того как стать валькирией, Арла, которую тогда звали Леной, день и ночь потрошила мышек, крысок и лягушечек. Сидела где-нибудь в уголке со скальпелем и потрошила на газетке. Пока подружки кино смотрят, она мышку тихонечко поймает и сделает зарисовку внутренних органов или найдет у нее аппендикс.

– Маргарита – валькирия сонного копья, – продолжала Фулона. – Находка Корнелия... Вы знаете, что на сонное копье мы долго не могли найти достойного кандидата, а тут копье приняло ее сразу!.. Разбудите кто-нибудь Маргариту! Впрочем, не надо! Она устала.

– Устала? Да она еще в машине спала! Я ее спрашиваю: «Ты не спишь?» А она мне: «А разве не ты за рулем?» – пожаловался оруженосец Маргариты, парень с короткими щети-

нистыми волосами, делавшими его похожим на кабанчика. Несмотря на то что он выглядел крепким, он едва сидел, поскольку с соседнего стула на него заваливалась спящая Маргарита.

– Ничего, бывает... – Фулона с нежностью посмотрела на посапывающую Маргариту. – Привыкание к копыю не всегда проходит легко. А ты запомни! Оруженосец никогда не должен жаловаться на свою валькирию. Напротив, должен всячески покрывать ее и защищать. Жалующиеся оруженосцы наказываются у нас просто... Сорок секунд спарринга с каждой из валькирий по кругу!

Оруженосец побледнел, но все же приосанился, насколько это было возможно под тяжестью дремлющей хозяйки.

– Я айкидо занимался полтора года! – предупредил он.

– Везет тебе! – позавидовала Фулона. – Вот и покажешь нам всем, начиная с Брунгильды... Но не сейчас... Для первого раза ограничимся предупреждением... – И она опять ласково посмотрела на дремлющую Маргариту. Заметно было, что новая валькирия ей нравится.

Нашел же ее Корнелий так. Как-то, проголодавшись, он заскочил в кафе, где за витриной со свежей выпечкой томилась большая полная девушка. Она была так бела и нежна, что, когда смущалась и вспыхивала, казалось, что под кожей у нее включаются алые тепловые спирали. Даже в десяти шагах становилось жарко. Когда девушка вздыхала, чудилось, что раздуваются кузнечные меха, такая в ней была мощь. Однако все, что она делала, это отсчитывала сдачу или блестящими щипчиками раскладывала по тарелочкам круассаны. И при этом буквально спала на ходу. Некоторое время Корнелий в восхищении разглядывал девушку, а потом, рассмешив ее чем-то, взял у нее телефончик.

Фулона попала пальцем в варенье, мимоходом облизала его и тем же пальцем показала на следующую из новеньких:

– Пеппа! Валькирия ужасающего копыя!

У новой хранительницы ужасающего копыя были курчавые жесткие волосы и вытатуированные широкие брови, что удивляло, поскольку при таких волосах и собственные брови были у нее скорее всего о-го-го. Двигалась она порывисто, вечно все роняла и ломала. Вот и сейчас, пока Фулона ее представляла, она ухитрилась дернуть рукой и опрокинуть на колени Гелате чашку с чаем.

– Ой! Прости! – воскликнула Пеппа, вскакивая и вслед за чашкой роняя еще и свой стул.

– Ничего, – успокоила ее Гелата, закрывая глаза, чтобы в полной мере ощутить, как горячий чай стекает ей в шерстяные носки. – Сущие мелочи! Я как раз собиралась попарить ноги!

Несмотря на свою грозную внешность (она была низкого роста, мрачная, коренастая, с широченной голенью, мощной, как взведенная пружина, и такими же широченными запястьями), Пеппа была очень влюбчива. Фулона впервые встретила ее в магазине, где Пеппа, прячась за холодильником с соками, фотографировала мужчину своей мечты в очереди за сосисками.

– Он тебе нравится? – спросила Фулона, подходя к ней сзади. Она знала, что не ошиблась, потому что ее вело чутье старшей валькирии.

Пеппа оглянулась на нее, готовая вспылить, но Фулона была так величественна и спокойна, что гнев Пеппы улетучился.

– Что толку? – сказала она убито. – Я для него... ну как для меня вот эта вот стена...

– Если ты возьмешь копые, он станет твоим оруженосцем! – сказала Фулона. – Никто не откажет валькирии. Любой, кого она выберет, пойдет за ней, будь он даже голливудским актером. Проблема в другом: тот ли он, кто тебе действительно нужен? Не подведет ли тебя в бою? Впрочем, решать тебе!

И Пеппа решила. Уже через два часа она с такой энергией орудовала ужасающим копьём, распарывая мешки с песком, что даже бесстрашная Хаара сказала ей: «Слушай, новенькая... отойди-ка от меня подальше! А то мне как-то не по себе!»

Мужчина мечты по имени Федор, на которого Пеппа все же сделала ставку, теперь скромно стоял у стеночки и, мелко кивая, каждую секунду говорил кому-нибудь «Здрасьте!». По всем признакам, ему было неудобно. Хотелось в очередь за сосисками, но все магазины были закрыты.

– Ну вот вам Пеппа! У меня ощущение, что она просто родилась с копьём в руке! Идет семимильными шагами! Если не охладает, будет толк, – похвалила Фулона, любясь ею. – А теперь, кто не знает, – новая валькирия бронзового копья! А где Варля?.. Варля! Кто Валентину видел? Она вообще приезжала?

– Я тут, – прошелестел едва слышный голос.

Фулона оглянулась.

– Да-да, конечно! Я вспомнила! Мы же с тобой салаты резали!.. – сказала она в явном смущении. – А вот, кгхм, и Варля! Прошу любить и жаловать!

Валькирия, заступившая на место Малары, была худенькая робкая девушка-математик. Круглая отличница и в школе и в университете, никогда не скачавшая ни одного готового реферата, а все написавшая самостоятельно, выполнявшая двадцать письменных заданий, когда задавали два, и десять, когда не задавали ни одного, но при этом стеснявшаяся открывать рот на экзамене и краснеющая пятнами, когда ее спрашивали, Варля была быстра, услужлива и абсолютно невидима в своей робости. Вот и сейчас в гостях у Фулоны она начала с того, что забившись, как улитка, между холодильником и раковиной, перемыла всю посуду. Причем никто даже не заметил, чьим посредством посуда ухитрилась очиститься, настолько все произошло тихо и само по себе. Раз – посуда чистая, и Варля рядом нет. Сидит на маленьком стульчике у мусорного ведра и тихо улыбается, положив руки на колени.

Зато все заметили, когда Прасковья, пылающая в своем кровавом наряде, вымыла чайную ложечку. Это выглядело и как немой укор хозяйке, и как подвиг трудолюбия, и как душ для всей кухни, потому что ложечку Прасковья, разумеется, подставила под текущую струю воды.

Переключившись на Прасковью, все забыли про бедную Варлю, кроме оруженосца Ламины, которому имя новой валькирии не давало покоя.

«Варля – барля. Варля – парля. Варля – марля», – бормотал он, пока добрая Брунгильда, не вступившись за новенькую, не посадила его на холодильник и не заткнула ему рот мандарином в кожуре.

– Если выплюнешь его раньше чем через пять минут, воткну посудную мочалку! – предупредила она, и даже Ламина не стала вступаться за оруженосца, поскольку наказан он был за дело.

Представив всех валькирий, Фулона села и начался обычный, суетливый, не до конца уютный шум, какой бывает, когда много людей, отчасти не знакомых друг с другом и не имеющих потому привычной структуры отношений, собираются вместе.

Мефодий, дважды поймавший пристальный, ищущий отклика взгляд Прасковьи, стоял рядом с Дафной и притворялся, что ничего не видит. Ему не хотелось зашкаливающих эмоций. Встречи же с наследницей мрака вечно заканчивались землетрясениями и огненными смерчами.

В третий раз проигнорировав взгляд Прасковьи, Мефодий заметил, что она быстро пишет что-то в блокноте, вырывает страницу, а затем тянется рукой к уху Шилова. Пока Буслаев соображал, зачем она это делает, что-то свистнуло в воздухе и в его воротник совсем рядом с шеей вонзилась отравленная стрелка с нанизанной на ней запиской:

«НАДО поГовоРить».

Игнорировать такое приглашение было опасно. Мефодий повернулся и вышел, а немного погодя вышла и Прасковья. Мефодия она обнаружила в комнате Фулоны, у стеллажей с книгами. Прасковья закрыла дверь и пальцем начертила защитную руну от подслушивания.

– Ты вообще думаешь иногда? Это тартарианский яд! – крикнул Меф, бросая ей под ноги стрелку.

Прасковья равнодушно дернула плечом.

– *Я...ене... алькири...!* – с трудом выговорила она.

Говорить при Мефодии она не стыдилась.

– Да, – буркнул Буслаев. – Это заметно. Тебя так и плющит от света.

Не слушая его, Прасковья оглядывала комнату. Нашла на стеллаже коробку со швейными принадлежностями, открыла и, небрежно вытряхнув на пол все содержимое, отыскала маленькие ножнички. Быстро протянула руку и, потянув Мефодия за одну из светлых прядей, решительно отстригла ее. Меф схватил ее за запястье.

– Что ты... – начал он и осекся. Он ожидал привычной боли, но ее не было. И крови тоже. Просто волосы, такие, как у всех.

– *Не...ольно?* – спросила Прасковья.

– Нет. Но вообще-то ты могла бы у меня узнать!.. Эй, что ты делаешь?

Не сводя с него взгляда, Прасковья теми же ножничками резанула и свою челку. Лицо ее исказилось. Несколько крупных капель крови, пробежав по ножницам, упало на пол.

– *...идишь? Мои...олосы...ровоточа...* – старательно выговорила она. – *...аньше такого не...ыло. Ты...онимаешь, что это...начит? Я...зля твою боль!*

Мефодий сглотнул.

– Тут другое. Темный дар Кводнона! – хрипло сказал он.

– *Да.....емный дар Кводно... Он...еперь только во мне и в...икторе... И еще я...алькири... Эти два дара...аздирают меня! Если бы ты знал, какие сны мне...нятся. Ты...наешь? ...овори: знаешь?*

Мефодий покачал головой.

– *Но ведь...едставляешь? Да?*

Буслаев кивнул. Какие сны могут сниться тому, кто получил почти все силы Кводнона, он мог себе представить. Люди с содранной кожей, идущие к тебе из тьмы, – это еще самое невинное, что может привидеться.

Мефодий посмотрел в центр груди Прасковьи – туда, где пылал ее эйдос. Он был очень ярок, хотя и с темным контуром. Это был свет, закованный в сосущую его тьму. Чем сильнее душил его мрак, тем яростнее и упрямее он пробивался. Мефу стало жаль ее. В этой хрупкой девушке с бледной кожей и пылающими скулами были заключены весь Тартар и весь Эдем. Как же больно и одиноко ей должно было быть, если даже циничный Шилов, жалея ее, стал ее оруженосцем, чтобы нести часть ее ноши!

– *...иктору о...ень тяжело,* – угадывая мысль Мефа, продолжила Прасковья. – *Он...оспитывался в Тартаре, как...овое тело Кводнона, хотя не...нал этого... А теперь не...ает, кто он и зачем живет. Если мои силы...ойдут в Шилова, то Кводнон...озродится. Но...иктор не хочет, и я не хочу... Мы...опротивляемся...*

Мефодий что-то пробормотал. Он был поражен, но не потому, что не знал этого раньше, а потому, что не задумывался. Прасковья и Шилов – невероятно! Они вдвоем, по сути, держат оборону против рвущегося в мир владыки мрака. И давно уже держат. А кто-то, глядя на них, пожалуй, решит, что они и сами мрак, такие они колючие, неуживчивые, вспылчивые. А еще о Зиге заботятся. Вот и думай после этого о людях дурно. Если кто-то зол, ему, скорее всего, просто тяжело.

– *Мне страшно! Ты...аже не...едставляешь как!* – захлебываясь, говорила Прасковья. – *Я злюсь, мне хочется все...азрушить!. А доспехи...алькириш...улона...оится мне даже...авать...оворит: превращусь в...едяную статую... Почему так все?...очему?*

– Не знаю. А ты... просишь свет о чем-нибудь? – начал Буслаев и осекся, ощутив, что Прасковья не нуждается в его советах. Ей так больно и так плохо, что она сейчас мудрее его, потому что боль делает мудрым. Да и слова Мефа слабы. Только те слова имеют силу, которые опираются на личный опыт. А сам Мефодий? Искал ли он что-то у света с должной горячностью? Очень эпизодически, и потому только дважды или трижды в жизни, когда действительно делал это от сердца, ощущал, что услышан.

– *Не смотри... Я неживая. Я Снегурочка. Я кусок льда. Обними меня!..огрей!* – потребовала Прасковья.

Именно потребовала. Просить она не умела. Решившись, Мефодий прижал ее к себе. Плечи у наследницы мрака были ледяными, а щеки пылали. Почти сразу Прасковья с силой оттолкнула его, но прежде, чем она это сделала, Мефодий ощутил, что спина ее дважды вздрогнула, точно между лопаток ей вогнали нож.

– Ты что, плачешь? – спросил он.

Она опять дернулась, но на этот раз от злости.

– *Кто? Я?! Всё...ветлый...траж!...еги к...воей конфетной Дафночке! Хоть чем-то ты мне...омог!* – сказала она.

Едва Прасковья, кое-как перетянувшая себе кровоточащую прядь, вышла из комнаты, как в ту же дверь навстречу ей протиснулись Варсус с Дионом. Варсус шел первым. За ним, отталкиваясь от пола широкими деревяшками, которые в бою использовались как кулачный щит, катился Дион на тележке.

На Прасковью и Варсус, и Дион едва взглянули. Оба выглядели озабоченными. Ощущалось, что у них свое дело и свой разговор. Через комнату Фулоны они прошли на балкон. На балконе, хотя и застекленном, было холодно. Варсус, желавший поговорить с Дионом наедине, выглянул наружу. На выступавшей плите тесно, как голубочки, сидели суккубы и комиссионеры, собравшиеся, чтобы пошпионить за валькириями. Болтая ногами, комиссионеры лузгали семечки, суккубы же, как верные жены, толкали их локтями и шипели: «Как ты себя ведешь?! На тебя же люди смотрят!»

Варсуса с Дионом комиссионеры пока не замечали.

– Твои суккубы, мои комиссионеры! – шепотом предложил Варсус.

Дион усмехнулся:

– А почему не наоборот? После суккубов ножи всегда духами пахнут... Ну ладно... По рукам! – согласился он.

Варсус распахнул раму, одновременно выхватив свою дудочку. Трех комиссионеров он расплавил маголодиями прежде, чем те успели улизнуть. Дион, мгновенно подтянувшийся на перилах, расправился с двумя суккубами, причем так, что ухитрился вернуть себе метательные ножи.

– Три – два в твою пользу. Эх! Я же говорил: духами будет пахнуть! – сказал Дион, как ищейка, обнюхивая ножи. – Хотя вот эти, кажется, ничего. Хочешь?

И он протянул нож Варсусу. Тот брезгливо отодвинулся.

– Хозяин – барин! – сказал Дион, и ножи исчезли из его рук, как карты из пальцев фокусника. – Так о чем ты хотел поговорить?

– Расскажи мне о твоём бое с Ареем, – попросил Варсус.

Дион помрачнел. Он всегда мрачнел, когда речь заходила об Арее.

– Что ты хочешь узнать? Он взял мои крылья, сломал мою флейту, отрубил мне ноги! – горько сказал он, с укором боли глядя на Варсуса.

– Прости. Я знаю: тебе непросто вспоминать об этом. Почему он не убил тебя?

– Понятия не имею! Я, знаешь ли, не собираюсь благодарить его за дарованную жизнь... Хотя и думаю, что все к лучшему... – тут Дион сделал паузу, и концы его торчащих усов дрогнули как живые.

– Что к лучшему?

– Все. Раз свет попустил этому свершиться, значит, я мог куда-то не туда пойти этими ногами! Например, по стопам Арея. Уже, собственно, и шел. Считал себя лучшим бойцом света, постоянно искал ссор, дрался на дуэлях и... разом потерял всё. Теперь у меня нет ничего, кроме пары неплохих ножей и тележки, но я доволен, потому что порой чувствую, что свет, от которого я почти отвернулся, возрождается во мне.

Варсус рассеянно кивнул.

– Арей действительно так хорош в бою? – спросил он, неосознанно вцепляясь пальцами в свитерок на груди, под которым что-то топорщилось.

– Да, – подтвердил Дион. – Из когда-либо существовавших бойцов – света ли, мрака ли – он лучший. Я считал иначе – и, как видишь, меня укоротили в моем самолюбии. Но Арей зарублен Мефодием. Теперь тому, кто захочет слыть лучшим бойцом, придется для начала обезглавить Мефодия.

Он сказал это в шутку и был удивлен, когда Варсус горячо воскликнул:

– Да-да-да! Как жаль, что Мефодий на стороне света!

Дион осекся и, чтобы лучше разглядеть Варсуса со своей низенькой тележки, запрокинул голову далеко назад.

– Эй! – сказал он. – Ау! Страж номер 7261 третьего дивизиона света Варсус! Примите холодный душ! Вы мужчина, в конце концов! Шагом марш!

Страж № 7261, опомнившись, виновато улыбнулся. Выпрямился, щелкнул каблуками и вышел из комнаты.

* * *

Дион с Варсусом были еще в коридоре и только протискивались мимо Ирки с Багровым, когда на кухне что-то загрохотало. Под потолком материализовался Антигон и, рухнув прямо на посуду, перевернул стол. Лицо у Антигона было невменяемое. Бегая по кухне, он налетал на валькирий и клочьями рвал свои бакенбарды.

– Бьют! Свинское собачество! Наших бьют! А-а-а! – вопил он.

Фулона пыталась расспросить его, но Антигон информацию выдавал только эмоциональную, то есть орал.

– Давай ты! – сказала Ирке валькирия золотого копыя.

Ирка взяла с полки бронзовое блюдо, которое Фулона в молодости получила за стрельбу из лука, оценивая его в руках и, встав на пути у кикимора, огрела его блюдом по лбу.

Антигон застыл. Его украшенная бакенбардами физиономия стала осмысленной.

– Кто бьет? Кого? Где Даша? – повторила Ирка.

– Мы с мерзкой хозяйкой сидели в круглосуточном кафе у метро «Дмитровская». Антигон постоянно старается кормить хозяйку! Она такая тощая, такая слабая! Если ее не кормить, она не сможет умереть от ожирения и у Антигона никогда не будет новой хозяйки! – пожаловался кикимор.

Ирка покосилась на Багрова, тоже любившего ее подкармливать. Вдруг и у него мотивы были схожие?

– Сидим мы, значит, в кафе, к вам собираемся, кушаем, зная, что тут особенной еды не будет, и тут вдруг – звяк! – стекло вдребезги! Влетает страж света и кувыркотом катится к нашим ногам. Крылья сломаны, флейта вдребезги и без чувств.

– Кто без чувств? Флейта? – не без ехидства поинтересовался Шилов. На него замахали руками.

– Мы с гадской хозяйкой кидаемся к нему, и тут – шмяк! – еще один страж! И тоже без сознания! Такое чувство, что его из катапульты прямо в окно вбросили... Сроду такой силищи не видел! И что же вы думаете? Хозяйка вызывает свое копье и бросается на улицу справедлячить!

– И что? Много «насправедлячила»? – спросил Шилов.

Кикимор замигал носом и, наказывая себя, рванул бакенбарды:

– НЕТ! Антигон предательски схватил ее – бейте меня за это! почему никто не бьет? – и запер ее в холодильнике. Там темно, противно, страшно! Много дохлой еды и всяких цыплячьих тушек! Может, гадская хозяйка рассердится и потом будет дергать Антигона за уши?..

– Хватит болтать! Кто напал на стражей? – поторопила Фулона, видя, что кикимор готов разглагольствовать до бесконечности.

– Антигон испугался и не стал смотреть! Антигон любит, когда его бьют чуть-чуть, но когда его вот так вот бросают, Антигон этого не любит! Если с двумя златокрылыми такое делают, Антигон должен быстренько звать на помощь! А его храбрая хозяйка пусть посидит в холодильнике!

– Молодец! – похвалила Фулона. – Ты все сделал правильно!

– А теперь перенеси нас туда! – потребовала Ирка.

– Как?

– Телепортационный круг. Твой пространственный след еще не затянулся.

Антигон закивал и стал раскручиваться на месте, держа двумя руками булаву. Быстрее, быстрее, еще быстрее. Когда он совсем раскрутился, то стал похож на огненный шар. Первой в этот шар шагнула Ирка, потом Багров, а за ними совершенно неожиданно бросились Прасковья, Шилов и Зигя. Причем Шилов сделал это не раньше, чем извлек из ножен свой гибкий меч.

Все это заняло не больше двух секунд. Шар вспыхнул и погас.

– Назад! – приказала Фулона, удерживая Ильгу и Ламину, которые тоже собрались телепортироваться. – Пространственный след затянулся!

– Да мы так, обычным способом!

– Нет! Слишком опасно. Если это засада, мы разом лишимся всех валькирий. В первые секунды после телепортации к бою никто не готов... А тут и сражаться не надо. Небольшое искажение пространства – и мы торчим в бетоне, похороненные заживо.

– Антигон что, предал? – удивилась Ламина.

– Нет, конечно! Но реакцию Антигона могли просчитать... Он же даже не видел, кто на них напал. Лучше нам добраться своим ходом! Тише едешь – вовремя будешь!

Минуту спустя от подъезда Фулоны, глотая улицы и не замечая переулков, молнией рванул ревущий мотоцикл Эссиорха. Улиту с Люлем хранитель с собой не взял. За Эссиорхом на «универсале» Вована, натолкавшись туда как сельди в бочку, спешили Фулона, Хаара и Ламина с оруженосцами. За Вованом спешила проснувшаяся Маргарита еще с несколькими валькириями. Последней на своем просторном, как сарай, джипе выехала Брунгильда, захватившая с собой Варсуса, Диона, Мефодия и Дафну.

Под влиянием ночи у Брунгильды обострилась мнительность. Она тащила еле-еле, пугливо глядя на светофоры. Попутно задавала сама себе вопросы и сама же на них отвечала:

– Я спокойна! Я совершенно спокойна! Так! Куда я еду? Я еду к «Дмитровской»! А где «Дмитровская»? А этого я пока не знаю! А чего хочет от нас этот знак? Этот знак хочет, чтобы мы кого-нибудь пропустили!

Варсус собрался было поторопить Брунгильду, но Дафна шепнула, чтобы он сидел тихо, если хочет куда-то доехать. И точно, через несколько минут Брунгильда постепенно осмелела. Поначалу это выразилось в том, что она совершила осторожный обгон стоящего асфаль-

тоукладчика. Затем, рискованно закусив губу, обогнала на пустой улице медленно едущий трактор. Прежде даже, чем трактор остался позади, глаза у Брунгильды победно вспыхнули. Отшвырнув пачку гигиенических салфеток, которыми она протирала все подряд, Брунгильда издала торжествующий вопль и, сбросив обувь, босой ногой, вдавила газ в пол. Варсуса, Дафну и Мефодия притиснуло к спинкам сидений.

Гоня как на пожар, валькирия каменного копья развернулась через две сплошные, скастилась под горку через кустарник и, наплевав на натканные повсюду камеры, обогнала даже самого Вована, отстав только от Эссиорха. Здесь Брунгильда опять чего-то испугалась, нащарила салфеточки, проглотила семь гомеопатических шариков и, жалуясь, что у нее замерзла босая нога, потащилась черепахой, пропуская велосипедиста, который собирался выехать из дому только через час.

Тем временем Ирка с Багровым, Прасковья, Шилов и Зигя были уже на месте. Телепортация прошла нормально, хотя из-за перегруза, вызванного слишком упитанным Зигей, пространственный канал вздумал исказиться и выбросил Ирку с Багровым на крышу длинного сталинского дома. При этом Багров материализовался на метр выше Ирки и, так как закона всемирного тяготения никто не отменял, свалился ей на голову.

– Прости, пожалуйста! Я, кажется, тебе шею сломал! – извинился он.

– Это ты прости! Я, кажется, чисто случайно вместо себя рунку подставила! – отозвалась Ирка.

Распахнув слуховое окно, они проникли в голубиное царство чердака и добрались до ведущего в подъезд люка. Хиленький замочек крикнул и осыпался, превращенный Матвеем в песочное пирожное. Цепляя стены рункой, Ирка стремительной кометой скользнула по лестнице. Тренькнули колокольчиком створки лифта. Сзади со своим палахом неся Багров, воинственный, как рыжий муравей. И вот уже входная дверь, всхлипнув, выдохнула их на улицу.

– Ага! Дмитровка! – узнала Ирка. – Это не тут у одной девицы из Тибидохса разбилась бутылка с бесконечной водой?

Матвей вспомнил, как по шоссе, вращаясь в пузырях газировки, проплывали машины, а ученица темного отделения Тибидохса сидела на подоконнике, свесив на улицу ноги, и красила себе ногти. Как она потом написала в объяснительной, это была ее обычная реакция на шок.

Рядом что-то полыхнуло. Задержавшийся в изгибах пространства Зигя вышагнул из сияющего шара первым и заботливо поймал на одну ладонь маму Прасковью, а на другую – друга детства Витю Шилова.

– Вот почему я всегда хотела иметь детей! – сказала Ирка, сравнивая это со свалившимся ей на голову Багровым.

– Ага. Но как-то больше на словах, – парировал Матвей.

Не теряя времени, он уже осматривался, выясняя, где идет бой.

У выхода из станции метро «Дмитровская», там, где на шоссе притулились многочисленные «быстропиты», в стремительно темнеющем небе сверкали частые молнии. Несколько перевернутых большегрузных трейлеров перегородивали шоссе. Все новые и новые автомобили, визжа тормозами и сталкиваясь, пытались развернуться. Из других машин выскакивали и разбегались люди. Навстречу Ирке с круглыми от ужаса глазами пронеслась женщина. За ней, подпрыгивая, спешили два карапуза. Младший восторженно орал старшему:

– А ты говоришь, монстров не бывает!

– Ты еще скажи – чудовище Франкенштейна бывает! – упрямо крикнул на бегу старший и, пытаясь оглянуться, врезался головой в живот иссеченному шрамами Зиге. – А-а-а... Монстр!!!

Вопль этого сомневающегося мальчугана Ирка запомнила надолго. Это был, так сказать, первый шаг к вере – глас абсолютного сомнения, получившего наконец свое разрешение.

Зигя тоже очень испугался и с криком «Монстр!» побежал в другую сторону. Прасковья отловила его и потащила за собой. Гигант покорно брел за мамулей, попутно боясь монстров. Изредка он переставал бояться, присаживался на корточки и, глядя на обледеневший асфальт, грустно сообщал, что мурашиков нету.

Над домами Ирка углядела две боевые двойки златокрылых. Выстроившись в круг, златокрылые пикировали и атаковали кого-то маголодиями. Маголодии били в асфальт, высекая сухие искры. В ответ им снизу, кувыркаясь, летели автомобили, от которых златокрылые увертывались, резко меняя направление полета.

У Ирки на глазах навстречу стражам света, мигая синим маячком, в небо полетела полицейская машина. Один из златокрылых, уклонившись, подстраховал падающий автомобиль маголодией и по широкой дуге перенес его на крышу проезжавшей по мосту электрички. Так состав и унесся, завывая и полыхая проблеском.

– Ишь ты! Поезд с мигалкой! Теперь на рельсах все будут дорогу уступать! – сказал Багров, пытаясь высмотреть, кто сражается со златокрылыми.

Прячась за машинами, они перебегали всё ближе к шоссе. Посреди перегородивших проезжую часть трейлеров перемещалось нечто громоздкое, неуклюжее, словно вылепленное из остывшей лавы. Однако остывшей эта лава была только снаружи. Всякий раз, как в кожу существа ударяли штопорные маголодии, кожа лопалась и проступало нечто алое, кипящее, похожее на раскаленный металл.

Точно в беспамятстве, существо делало несколько шагов. Перемещалось оно быстро, хотя и сильно хроало, стараясь не наступать на левую ногу. Ниже колена левой ноги лава никак не могла застыть. Вырывалась, дымилась, стекала густой раскаленной массой. Существо озиралось, пытаясь понять, где оказалось. На дома вокруг, на шоссе, на мост смотрело с недоумением. Узкие алые глаза его вспыхивали. Чудовище кричало, ударяло по асфальту кулаком – и опять, атакуя златокрылых, в небо летели машины. Потом оно замирало с рассеянным выражением на лице, точно вслушиваясь во что-то, происходившее у него внутри. Ревело. Опять бросалось всё ломать и крушить. Это был гнев, но гнев, лишенный последовательности. Сквозь него проступали одиночество и растерянность.

Ирка перебежала к рекламному щиту. В щите, пробив его, застряла автомобильная дверь, причем застряла так, что можно было выглядывать наружу прямо через ее частично сохранившееся стекло. За тем же щитом прятался и Шилов. Край гибкого меча полз за ним по асфальту как змея.

– Чувствуешь? – прошептала Ирка.

– Да. Ярость и страх! – сразу отозвался Виктор.

– Нет. Оно не только боится. Оно и надеется! Оно пришло за помощью, но не к нам, – сказала Ирка. Она сама не смогла бы объяснить, откуда пришло к ней это знание, но чувствовала уже, что рунку против чудовища использовать не будет. Хотя, скорее всего, рунка тут и не помогла бы.

Шилов хмыкнул:

– Только посмотрите, какие мы чуткие. Ну тогда почему «оно»? Ты что, не поняла еще, кто перед тобой?

– И кто?

Паж Прасковьи, не отвечая, качнул длинным клинком, и тот сложился петлями. Вскинув над головой руку, бывший тартарианец убрал его в ножны.

– Соваться не буду. Я себе не враг... Я с титаном не справлюсь. И златокрылые тоже... Их маголодии для него – как с булавкой на слона идти...

– На ТИТАНА? – уточнила Ирка.

– Да, – сказал Шилов. – На кого ж еще? Под землей, очень глубоко, есть расщелины. Трещины в земной коре. Там они и сидят.

– Разве титаны не за Жуткими Воротами в Тибидохсе?

– Не все. Многие – да, но некоторые затаились в расщелинах. Порой что-то их сердит и они начинают проламываться сквозь скалы. Землетрясения тогда происходят, цунами и так далее.

– Зачем проламываются?

– Не знаю, – сказал Шилов. – Но такое ощущение, что что-то ищут. Эй! Ты куда?

– Поближе посмотрю!

Ирка уже скользила по асфальту как уж. За ней, ворча, что он не нанимался спасать самоубийц, полз Шилов. За Виктором, подражая ему, спешил Зигя. Полз малютка смешно, высоко вскидывая таз, и машины приподнимались, когда он ухитрялся заталкиваться под них своей мощной спиной.

Ближайшим после рекламного щита надежным укрытием была перевернутая «Газель». Зигя, слишком крупный, чтобы прятаться под «Газелью», полез в кузов и обнаружил, что грузовичок перевозил шоколад. Сразу после этого в кузове все загадочно притихло и только негромко шуршало и чавкало.

Златокрылые продолжали неравный бой. Штопорные маголодии, попадавшие в титана, прочерчивали на его коже алые, быстро затягивающиеся борозды. Гиганту они, видно, не так уж досаждали, потому что он, не обращая на них внимания, вскинул к небу свою бугристую, страшную, с мощными надбровными дугами голову и смотрел вдаль, но не туда, где был центр, а назад и наискось, в сторону ВВЦ. Казалось, он вслушивается и всматривается во что-то, что понятно ему одному.

Один из златокрылых решил, что силы титана исчерпаны. Он снизился больше чем это было безопасно и ударил сдвоенной штопорной маголодией. Ирка увидела, как титан вздрогнул от боли, когда, прочерчивая в лаве алую борозду, маголодия скользнула сверху вниз по всему его телу.

Яростно заревев, титан вскинул руку и зацепил златокрылого в воздухе прежде, чем тот успел улететь. Златокрылый закувыркался и рухнул неподалеку от «Газели». Прежде чем титан нашел его, Ирка с Багровым перетаскивали раненого в укрытие. Златокрылый тихо стонал, баюкая флейту, трещина в которой волновала его больше, чем собственные переломанные кости.

– Крылья... хоть... целы? – тихо спросил он, боясь услышать ответ.

Багров скользнул по ним опытным взглядом:

– Кости целы, но перьям повезло меньше.

Ощувив облегчение, златокрылый благодарно кивнул.

– Где-то там еще двое наших, – с усилием выговорил он. – Унесите их, пока комиссионеры не украли у них крылья. Видимо, поле боя придется оставить... Наши маголодии не могут причинить ему вреда. Надо вызывать грифона... А это не сразу... Это долго...

Златокрылый застонал. Потом опять заговорил:

– Мы засекли титана, когда он проламывал граниты в районе перехода «Новослободская» – «Менделеевская». Потом пошли пустоты, и сюда оно пробилося... совсем быстро.

– Что ему нужно?

– Не знаю. Помогите раненым! Со мной все в порядке... Потом вернетесь!

Воспользовавшись тем, что титан перекочевал ближе к метро, они помчались к кафе. Антигон показывал дорогу. За Прасковьей топал Зигя, таща с собой два ящика шоколада. В кафе Багров с Иркой занялись ранеными стражами, а Антигон потащил Ирку за рукав, чтобы она выпустила из холодильника Дашу.

– Не открывай, бывшая хозяйка, пока я не спрячусь! Если она будет тебя кусать или пинаться, позови меня! А если будет плакать, меня не зови! От слез Антигона выворачивает наизнанку! – поучал он Ирку.

– Эх, надо было мне почаще плакать, пока ты был моим пажом! Жаль, я не знала! – огорчилась Ирка.

– Ты не умеешь плакать, гадская хозяйка! Ты заглатываешь свое горе в себя! А горе как соль – его лучше выплакать! – нравоучительно заявил Антигон и, вытирая бакенбардами пыль, протиснулся в узкую щель за посудомоечной машиной.

Опасаясь, не задохнулась ли Даша, Ирка дернула дверцу. Выпавшая из холодильника валькирия-одиночка не плакала и убивать никого не порывалась. С ног до головы она была покрыта толстым слоем изморози. К наконечнику копья примерзла куриная тушка.

– Я... чуть не задохнулась... изнутри холодильник... не открывается... – простучала она зубами.

– А ты бы копьем, – предложила Ирка.

Даша закашлялась, как рыба заглатывая воздух:

– Я пыталась копьем. Пошел какой-то... газ.

– Фрион! Ты шланг пробила! – авторитетно сказал Багров.

– Я убью... кх-кх... Антигона! Где он?

– Тут он! Тут! – закричал кикимор, возникая из своего укрытия. Он был очень доволен, что хозяйка наконец взялась за ум, не плачет и, возможно, собирается драться.

Оставив Дашу разбираться с Антигоном, Ирка вернулась в зал. Эссиорх, прибывший раньше валькирий, занимался ранеными стражами. Шилов стоял у разбитого окна и, хмурясь, смотрел наружу.

– Титан ушел в свой же пролом, – сказал он Ирке. – Не советую сегодня ездить на метро... Если его, конечно, не закроют.

– Почему?

– А как, ты думаешь, он планирует перемещаться под городом? Раздирать граниты, конечно, занятие увлекательное, но я на его месте предпочел бы готовые тоннели.

В небе что-то мелькало, повисая и медленно растворяясь. Златокрылые флейтами вычерчивали в воздухе руны забвения. Ирка готова была поклясться, что в новости сегодняшнее событие не попадет. Максимум сообщат о крупной аварии на Дмитровском шоссе, вызванной прорывом подземных коммуникаций. Разумеется, отыщут и виновного, какого-нибудь инженера по технике безопасности. Это обычная тактика лопухоидов – выискать мальчика для битья и, списав на него все ошибки, примерно наказать.

Багров сидел на краю стола и извлекал из стаканчика фирменные зубочистки заведения, перекладывая их в нагрудный карман.

– А вот интересно, кто подослал этого титана? Мрак? – поинтересовался он.

– Титаны мраку не подчиняются. И свету тоже. Они сами по себе, – сказал Шилов.

– Допустим, ты прав и хаос действительно сам по себе, – согласился Багров. – В таком случае странно, что от мрака еще никто не прибыл. Всё же событие немалого масштаба. Хоть бы комиссионера какого прислали для порядка... Понаблюдать там и так далее.

Шилов усмехнулся:

– Прислали. Не волнуйся.

– Где?

– Ближе, чем ты думаешь...

Багров обернулся, и очередная горсть зубочисток, пронесенная мимо кармана, высыпалась ему на колени. Прямо на тротуаре притулилась крошечная двухместная машинка. Она стояла так близко и так хорошо была освещена фонарем, что Багров видел все детали. Пулевое отверстие в лобовом стекле было заткнуто жвачкой и потому казалось просто следом от камня. За рулем пучил глаза Мамай, а с ним рядом на огромной подушке, пристегнутый для безопасности ремнями с детским фиксатором, сидел красноглазый полумладенец с бородкой, присосавшейся к его подбородку как пиявка.

– Пуфс! – прошептал Багров.

Услышав это страшное имя, малютка Зигя, занятый пожиранием оставленных на столах гамбургеров, от ужаса подавился. Закашлялся. Пуфс услышал его кашель даже из машины. Вздрогнул. Повернул голову. Увидеть Зигю в такой близости глава русского отдела явно не ожидал, но не растерялся. Подался вперед и вскинул руки, точно кукольник, управляющий марионеткой. Зигя застыл. Спина окаменела. Глаза стали стеклянными. Багров с беспокойством вспомнил, что когда-то, будучи телом Пуфса, Зигя в одиночку мог биться с двумя-тремя стражами и опаснейшие из тартарианцев предпочитали с ним не связываться.

Зигя смотрел на Пуфса как кролик на удава. Тот же, кривляясь в машине и шевеля пальцами, манил его к себе. Шаг, еще шаг, еще. Зигя шел напролом, снося столики. Багров схватил его за руку и попытался оттащить от стекла. Тот, продолжая смотреть на Пуфса, дернул рукой. Матвей отлетел к стене.

– Помоги! У нас забирают Зигю! – пытаюсь встать, крикнул он Шилову.

– Никита! Назад!

Тот метнулся было к Зиге, но отлетел точно так же, как и Багров. Причем досталось ему даже больше. Когда Виктор поднялся, из носа у него текла кровь.

Вскочив, Шилов опять кинулся, но уже не к Зиге, а к Прасковье. Отыскал ее в другом конце зала. Прасковья стояла у столика. Только что она прокусила маленькую мягкую пачку кетчупа, выдавила ее себе на руку и теперь внимательно смотрела на красные пятнышки.

– Быстрее... Зигю уводят! – крикнул Шилов и потащил Прасковью за собой.

Прасковья отшвырнула кетчуп. Побежала. Зигя двигался неуклюже, как деревянный солдатик. Пальцы на его руках сжимались и разжимались. Когда перед ним возникла Прасковья, Зигя, повинувшись движению Пуфса, вскинул над головой похожий на молот кулак. Шилов понял, что еще мгновение – и кулак этот опустится Прасковье на голову.

– Осторожно! – крикнул он, отталкивая ее. Кулак Зиги ударил в плиты пола, раскрошив их. Зигя снова стал поднимать кулак. К счастью, медленно. Пуфс еще только восстанавливал контроль над его телом.

– ...игя! – ломко крикнула Прасковья. – *К...о...ут не...ается...мулю!*

Ирка ничего не поняла из этого гортанного, почти птичьего крика, но, видимо, он как-то пробился через сознание Зиги. Громадная рука, уже вскинутая для удара, застыла. Не дожидаясь, пока Пуфс опомнится, Шилов сзади прыгнул Зиге на плечи и ладонями закрыл ему глаза, разорвав зрительный контакт.

– *Это что еще такое! На мамулю руку поднимать?! Телефон не дам играть! Пластелин не куплю!* – услышала Ирка чей-то голос и потом только поняла, что сама стала рупором Прасковьи. От негодования она подпрыгнула и попыталась заткнуть себе рот.

Зигя, послушно пыхтя, отошел от стекла. Огромное тело его расслабилось, мышцы обмякли. Походка сделалась косолапой, карапузистой. Теперь это была не боевая машина, а переросшее чадо, тащившееся за мамулей. Решив, что наступил момент разобраться с Пуфсом, Шилов бросился на улицу, но опоздал. Поняв, что проиграл, глава русского отдела мрака с досадой стукнул Мамаю кулачком по коленке. Тот, сохраняя истуканную суровость лица, выжал газ. Маленькая машинка рванула, пронеслась по тротуару и резвым козликом спрыгнула на шоссе. Несколько секунд спустя она уже лавировала между опрокинутыми грузовиками, удаляясь по направлению к «Савеловской».

Перестав гнаться за Пуфсом, Шилов вернулся, перемахнул через стойку и занялся хрустящими окорочками. Понимая, что скоро придется уходить, он наваливал их на поднос, который собирался унести с собой.

– Ты мародер! – сказал ему Багров, забывший, что сам недавно стащил зубочистки.

– Мне Никиту кормить, – просто объяснил Шилов. – Мамуля – она больше по части воплей и поцелуев в клювик, а обеда от нее не дождешься.

Прасковья недовольно покосилась в их сторону, и над головой у Шилова лопнули две лампы дневного света.

– Молчу-молчу, – миролюбиво сказал бывший тартарианец.

– *У нас едва не отняли Зигю. Мне это не нравится*, – сказала Ирка и, поняв, что опять послужила Прасковье рупором, прижала ладонь к губам уже совсем надежно.

– Пуфс не обязан нравиться. Он на работе, – заметил Багров. – Лично меня напрягает другое. Зачем титан проламывался на поверхность? Что он искал? И еще: вы помните, что он хромал? Причем рана эта давняя... Не от маголодий.

Глава вторая. Всеобщий друг

«Понимаешь ли ты ужасное чувство быть недовольным самим собой? О, не знай его!.. Человек, в котором вселилось это ад-чувство, весь превращается в злость... Он ужасно издевается над собственным бессилием».

Н. В. Гоголь. Письмо к Погодину (28 сент. 1833 г.)

Дождь был так мелок, что, казалось, он висит в воздухе в виде мельчайших капель. Он шел и вчера, и ночью тоже шел, и завтра будет. А лес какой! Глухой, страшный. Земля дыбилась от огромных камней, то там, то здесь приподнимавших мох. Ночью, если лежать неподвижно, можно было ощутить дрожание почвы, услышать низкий каменный рокот, и звуки трения – это под землей, выступая наружу, ворочались огромные камни. Дробились, перекатывались с боку на бок, рвали корни дубов, вскрывали старые разбойничьи могилы. Опасное место. Страшное. Сгинешь – и не хватится никто.

Около полудня по узкой лесной тропинке ехали в ряд двое верховых в длинных страннических балахонах с капюшонами. Балахоны были грубейшей мешковины, с пятнами грязи, а у одного даже с пятнами крови. Не один даже самый жадный разбойник не позарился бы на такую одежду. Да только балахоны эти мало кого могли обмануть. Седло под первым всадником было обычное для этих мест – охотничье, легкое. Под вторым же, едущим следом, – дорогое, удобное, с костяными вставками на передней луке. Стремена изукрашенные, стременные ремни – с золочеными клепками. Да и сапоги, вдетые носками в стремяна, – желтой драконьей кожи. Работа дорогушая, столичная. Такие сапоги меньше чем за десять золотых ни один мастер делать не возьмется.

У первого всадника в том месте, где грудь балахона была прожжена костром, тускло поблескивала сведенная тонкими ремешками чешуя доспеха. Кони под ними были хрипящие, с раздутыми боками, коротконогие, но очень мощные. Настоящие кони, обитающие на равнинах Верхнего Тартара. Дважды за эти дни, когда всадники вставали на ночь лагерем, из леса появлялись волки. Скалились. Сторожко припадали к земле. Глядели. Потом, тихо пятясь, возвращались в чащу. Волки были умные, битые. Добычу выбирали себе по силам. Чували, что эти кони, пахнувшие остро и тревожно, с красными, углями горящими глазами, их не испугаются. Истопчут копытами, порвут зубами, а после еще и съедят. В Верхнем Тартаре мало пищи. Одной травой не прокормишься. Тамошние кони не брезгают ничем. Ни улитками в толстых роговых панцирях, ни скорпионами с ядовитыми жалами, ни даже падалью.

Всадники ехали медленно. Вкрадчиво. Временами первый, служивший проводником, соскакивал с седла. Смотрел. Слушал. Порой прижимался щекой к земле и нюхал след. Положение его тела в эти мгновения очень напоминало тех ночных, сторожких волков, что издали наблюдали за конями. Лица было не разглядеть. Его скрывал капюшон.

Второй всадник обычно оставался в седле. Озирался. Правой рукой держал поводья. С кисти левой свисала боевая плеть с вшитой в ремень узкой свинцовой гирькой. Для бездопешного противника удар такой плетью по голове – верная смерть, но смерть долгая, тяжелая. Если же по руке попадет – повиснет рука: кость перебивает на раз.

Всадники молчали, вслушиваясь в шорохи леса. Звуки эти были постоянны: скрипы, стоны ветра в кронах, крики птиц, далекий вой в буреломе.

Путь они начинали втроем, не вдвоем. Третий их спутник – суровый, во многих передрыгах побывавший наемник, не боявшийся ни мертвяков, ни кикимор, ни подземельных хмар, сгинул две ночи назад. Причем сгинул, даже не обнажив напоследок меча. Ночью он просто встал, зачем-то разделся донага и отправился купаться в грязное озерцо, куда и свинью было

добровольно не загнать. Его следы доходили до самой воды и из озерца уже не выводили. В черном озере из глубин поднимались какие-то пузыри. Вздывались. Лопались.

– Может, его позвала русалка? – нервно облизывая губы, спросил тот, что был в драконьих сапогах.

– За русалкой он бы не пошел, – отозвался проводник.

– А если сбежал? Передумал и сбежал? В озерцо, на тот берег и – фьють?

– Гольшом, стал быть? И оставил тут свое копье? И свою плату?..

Проводник подбросил на ладони мешочек с монетами и вопросительно оглянулся на своего спутника. Тот равнодушно кивнул, и мешочек мгновенно скрылся в складках балахона.

– Ишь ты, незадача какая! Видать, чтой-то подкралось ночью прямо по деревьям. Он-то с краешку лежал... Вот оно его и прибрало, стал быть, по-тихому... Надо бы уйти отседова поскорее! – буркнул проводник и, тревожно задирая голову, отправился седлать коней.

И опять они ехали по сырому, враждебному лесу. Изредка он расступался, и заметны становились следы жилья. Живых деревень не попадалось, только заброшенные. Провалившиеся крыши, слепые окна. Улицы были широкие. Дома с резьбой, с черепичными крышами. Выходит, и здесь когда-то жили люди. И хорошо жили, без страха. Когда человек придавлен и всего боится, не станет он строить дома в два этажа с широкими окнами, с резными ставнями, с высокими хлипковатыми дверями. Напротив, закует себя в камень, прижмется к земле, попытается слиться с ней, спрятаться, показаться беднее соседей.

После обеда пришлось проезжать мимо старого кладбища. Проводник зачем-то спешился и шел точно посередине вымощенной камнями дороги. Осторожно шел, с оглядкой, и коня вел только по камням.

– Что случилось?

Проводник дернул головой. Поднес палец к губам, умоляя хранить тишину. Почва кладбища шевелилась. Жирно, неприятно вздрагивала, как трясина. Под землей на небольшой глубине возились *гробовицки*. Изредка мелькали их узкие зубчатые спины с выступавшими колючими позвонками. Слышно было, как чпокают подгнившие доски гробов и зубы *гробовицков* разгрызают сухие кости. Изредка земля начинала кипеть, проваливаться. Бурля, выбрасывала на поверхность фонтанчики песка. Вылетали ржавые гвозди, доски гробов. Под землей угадывалась смертельная, не ждущая и не дарующая пощады битва. Это означало, что *гробовицки* наткнулся на живого мертвеца, который теперь душит его своими могучими руками. *Гробовицки* же бьет его хвостом и раздирает лапами. Потом все так же внезапно затихало, и там, снаружи, оставалось неясным, кто из двоих взял верх.

Всадник в желтых сапогах по примеру проводника спешился и повел коня по брусчатке. Ощущая под землей опасное шевеление, его конь шарахался, всхрапывал. Возле небольшого мосточка брусчатка исчезала. Да и сам мост выглядел так ненадежно, что кони не шли на него. Проводник замотал морду своему жеребцу плащом и уверенно перевел его на другую сторону. Собираясь последовать его примеру, всадник стал отстегивать притороченный к седлу плащ. Причем начал делать это на узкой полоске между брусчаткой и мостом, где камней под ногами уже не было. Он не ждал беды и потому, когда земля под ногами вздыбилась, выпустил повод.

Конь рванулся и, проламывая копытами настил моста, проскакал на другую сторону. Изпод земли выступило слепое узкое рыло с двойным рядом зубов и попыталось ухватить всадника за ногу. Тот вырвал из ножен меч и, перевернув его клинком вниз, двумя руками вогнал в спину *гробовицки* рядом с колючими позвонками. Вес опускающегося тела усилил резкое движение рук, что позволило всадить меч до гарды. В лицо ударила струйка холодной, жирной, как бульон, крови. В следующий миг костистая спина чудища рванулась и исчезла под землей, унося с собой меч, выдернуть который не было никакой возможности.

Всадник тяжело дышал и тупо смотрел на опустевшие ножны. Потом на ватных ногах приблизился к проводнику. Тот, только что поймавший коня хозяина, держал его под уздцы.

– Ты видел?! Видел?!

– Что ж тут не видеть? Чай, не слепой! – отозвался проводник. – Ловко вы его припечатали, сударь! Видать, опыт-то есть, да только, признайтесь, с нежитью-то редко дело иметь приходилось!

– С такой дрянью редко, – признал всадник.

– То-то и оно... На самую глыбь теперь пошел. Засядет под болотом и издохнет, заразище... А меч-то тю-тю! – с сожалением просопел проводник. – Кто ж их мечом-то бьют? Их, будем говорить, колом осиновым надоть. И по хребту, по хребту!

– И что было бы? Он что, распался бы от кола? – с гневом спросил всадник. Заметно было, что ему жалко меча.

– Да ни шута бы он не распался! Да кола-то не так жалко!

Всадник заметил, что глаза проводника рыскают по берегу. Небось прикидывает, где чудище подохнет, чтобы потом вернуться и прибрать меч к рукам.

– Ищи его сейчас! – потребовал всадник, сгребая его крепкой рукой за ткань балахона.

Проводник замахал руками:

– Говорю же: в самую глыбь утащило! Да вы, сударь, сами за ним ныряйте! Земля-то рыхлая! Авось управитесь!

Всадник отошел, тая ярость. Он знал, что без проводника ему сейчас никак не управиться и тот это прекрасно понимает.

Ближе к вечеру им впервые попался верный след. Четкий отпечаток крупного мужского сапога, оттиснувшийся во мху и полный воды.

– Клянусь матерью рысью! Это он!.. – воскликнул проводник.

Он часто клялся матерью рысью, и всякий раз спутник посматривал на него с затаенной насмешкой. Рысью? Ну-ну.

– Далеко же он забрался! – сказал он.

– Это точно, сударь! Ни один, стало быть, с мозгами которых, своей волей здесь не поселится! Это, конечно, ежели человек... Пограничные земли, – сразу отозвался проводник. – Здесь, будем говорить, всего один дневной переход до...

– Хватит... Знаю... Ошибки нет? Это точно его след? – раздраженно оборвал его спутник. Голос у него прозвучал торопливой тревогой. Об этом он предпочитал не говорить. Даже не думать. Главное – выполнить поручение и сразу вернуться.

Прежде чем ответить, проводник, все еще припавший к следу, выпрямился. Ветка ели, низко нависшая над тропой, сдернула с его головы капюшон. Лицо, до того скрытое под ним, было человеческое и одновременно звериное. Волчьи уши, вытянутый как у волка нос с чуткими, нервными, постоянно расширяющимися ноздрями, и густые серебристые бакенбарды. Тот, кто раньше не сталкивался с подобными существами, решил бы, что это оборотень. Но нет. Это был лишь отдаленный, во втором или третьем колене, потомок волкодлака. Идеальный следопыт. Идеальный проводник.

– Да, – ответил потомок волкодлака. – Он где-то близко. Я чую.

– Прячется? – спросил второй.

– Нет, не убегает. След уверенный, на самой дороге. Он, будем говорить, живет где-то здесь. Не то чтобы прячется, а, будем говорить, маленько скрывается. Не хочет, стал быть, чтобы нашли его... Как бы, сударь, он нас не покروшил. Всё ж таки дело лесное. Сами видели, сударь: концов здесь не отыщешь, – отозвался проводник, и зубы его тревожно блеснули в полуулыбке-полуоскале.

– Не бойся! – сказал всадник. – Я гонец. Гонцов не убивают.

– Так-то оно так. Да по гонцу-то не всегда скажешь, кто он такой, – проворчал проводник. – Едет себе и едет. А как замочишь, гля – а это, батюшки, гонец!

Всадник впери в него пристальный взор:

– Тебе что, приходилось нападать на гонцов?

Проводник попятился:

– Ни-ни, сударь! На таких, как вы, никогда! Что ж я, глаз не имею?! Я, чай, силы свои знаю... – он подвинулся к всаднику поближе и вдруг зашептал: – А этот страж, которого мы ищем... много я о нем слышал разного... Говорят, он косил людей тысячами. И не только людей. Его даже называли богом войны.

– Он и был им. Но теперь он притих. Или постарел. Или наскучило. Или, возможно, всё вместе.

– А эйдосы как же? Или он без них? Вашим-то они, будем говорить, всегда нужны!

– Эйдосы ему доставляют дуэли. Он опустошает дархи тех, кого зарубит. От крыльев и флейт светлых стражей тоже не отказывается. Но все же я не сказал бы, что он дерется часто. Не так часто, как мог бы. Чаще, когда вызывают его. А желающих с каждым годом все меньше.

Всадник замолчал, поправляя капюшон. Потом сам спросил проводника:

– Ты ведь тоже немного его знаешь. В лесу прожить непросто. Пища? Одежда? Магию в этих землях использовать опасно. Как он добывает все необходимое для жизни?

Проводник провел рукой по бакенбардам. Пальцы у него были покрыты редким серебристым мехом до самых ногтей – ногтей, впрочем, вполне человеческих. Казалось, волк умывается лапой.

– А он это... нежить нам подчищает, которая особенно сильно надоедает! А мы ему за это, будем говорить, платим кой-чего... Вы, сударь, не подумайте, мы и сами можем... Жизнь тут суровая, так что мы и сами сизмальства знаем, кого щелоком надо, кого кипятком, кого, стал быть, какой травой окурить. Да и кистенем можем, когда придется... Дело-то понятное. Земля тут такая, что мертвяки долго потом блуждают, особенно если разбойник какой или кто похуже. Но это ежели простая нежить, будем говорить, обычная... Вампиров, мозгоедов, домовых – этих мы и вовсе не боимся... Но в последние годы случается, забредает и с той стороны кой-кто... Вот они-то, сударь мой, нам уж не по зубам. Вот ребята наши и смекнули, чтобы, значит, его для этих дел нанимать!

– Серьезно? Он вот так вот запросто выполняет человеческие поручения? Человеческие?! Убивает тех, что приходят с той стороны? – жадно спросил всадник, оглядываясь в черноту леса.

– Не знаю, сударь. А раз не слыхал, то врать не буду. Может, убивает, а может, и так... по головке трахнет да и отпустит. Наше дело темное, нам всего знать не положено. Нам лишь бы детишек все эти гульцы не хватали! – спохватился проводник, торопливо забираясь в седло. – Опять же, ребята гутарят, отыскать его непросто... Не любит он, когда к нему вот так вот в гости суется.

Целый день они петляли по чаще. Здесь, в Пограничье, следов было множество. Вот прямо на тропинке жирная грязевая полоса, ведущая из заболоченного озера, а по центру полосы отпечатался узкий след босой ноги. Это лимнада – болотная нимфа. От своих сестер – наяд, nereid – она отличается длинными водорослевыми волосами и зеленоватой прозрачной кожей. Оскорбишь лимнаду – держись подальше от болот. Расступится трясина. Проглотит вместе с конем. И неважно, что конь из Верхнего Тартара. Болотом он не дышит. По воздуху тоже не летает.

Вот навстречу путникам вышла из зарослей гамадриада. Стоит смотрит с болью и непонятным укором. Оба всадника, остановившись, ждут, пока гамадриада пройдет. Стараются не смотреть на нее, чтобы не обидеть. Некогда прекрасное лицо ее покрыто корой. На коре – белые пятна мха. Из уха пророс гриб. Гамадриада идет спотыкаясь, когда же замирает, невозможно отличить ее от ствола рябины. Должно быть, дерево ее засохло, а вскоре, в суровые зимние морозы, и сама она погибнет. Жизнь гамадриады связана с жизнью ее дерева.

Она не опасна, но, если потревожить ее, гамадриада может накликать проклятие. Или, того хуже, издаст высокий, похожий на скрип крик – призыв о помощи. На этот крик соберутся громадные, похожие на дубовые колоды лешаки. Соберутся не сразу, но идти за тобой будут неотступно. Станут выживать из леса. Ни стрел, ни копий, ни мечей лешаки не страшатся. Боятся лишь огня, но здесь, в пропитанном влагой лесу, огонь опасен лишь магический. Однако магию – и лешаки это знают – здесь лишний раз стараются не применять. Слишком боятся пробудить магией то, для чего и создана ГРАНИЦА.

Граница же здесь особая. Не та условная, чаще всего по речкам проведенная, черта, за которой такие же рощи, такие же поля, такое же точно государство с наглым корольком, которого заботит только сбор налогов и таможенные пошлины. Те границы постоянно меняются. То один король проглотил другого, то земли перешли по наследству, то дерзкий герцог, отпав, образовал собственное царство. Здесь граница иная. Неизменная вот уже тысячи лет. Никто на нее не посягает и посягать не будет.

На другое утро проводник взял безошибочный след. Если до этого он часто покидал седло, то теперь не слезал с коня и лишь взгляд его был цепко устремлен на неприметную тропинку, сбегавшую по пологому склону оврага. Всадники медленно ехали, напряженные, готовые схватиться за оружие. Все, что они видели, врезалось им в память. Вот еловый пенек со старым спилом, похожий на идеально круглую чашу. В чаше стоит дождевая вода, а в центре на выступающем островке растет крошечный скосившийся грибок. Вот тонкие, тесно растущие березы, состоящие из высокой гибкой удочки и маленького, меньше веника, пучка листьев. Непонятно, как такая береза вообще может жить. Но она живет и гнется, и страшный ветер, ломающий неохватные тополя, не может повредить ей, хотя и пригибает к земле.

Тропинка привела к четырехугольной каменной башне. На первом этаже была лишь низкая глухая дверь, окованная железом. На втором этажом служили узкие бойницы. Не доезжая до башни полусотни шагов, проводник остановился и, спрыгнув с седла, укрылся за лошадь.

– Чую, видят нас! – прошептал он. – И вы, сударь, лучше не суйтесь!

– Откуда ты знаешь?

– Да уж я не ошибусь. Слезайте, слезайте с коня!

Однако всадник не послушался. Вместо этого он откинул капюшон и, высоко подняв голову, чтобы можно было разглядеть лицо, медленно поехал к башне. Он ехал и ощущал, как по телу ползет узкий опасный холодок – верный признак, что на него смотрят. Но откуда? Из какой бойницы? Вот взгляд скользит по лицу. Вот опускается ниже. Вот касается ноги. Вот пропадает. Должно быть, разглядывают уже не на его, а коня. Вот снова опасный холодок касается шеи и лица.

Сегодняшнее утро выдалось скучным на дождь. Солнечные лучи падали на тонкое лицо с длинным хрящеватым носом. Лицо на первый взгляд приятное, светлое и чистое, но с каким-то затаенным пороком. Точно разбитая и склеенная статуэтка. И еще лицу вредили небольшие темные усики. Усики такой формы любят ловеласы, некогда избалованные женской любовью, теперь же потасканные и уставшие.

По красноватым, боящимся света глазам можно было угадать тартарианца. На шее, на золотой цепи, хорошо видной и из башни, поскольку цепь выбилась из-под балахона, сияла сосулька дарха.

Сорок шагов до башни. Тишина. Тридцать шагов. Двадцать. Гонец постепенно обретал уверенность. Его губы, до того сжатые, растянулись в неуверенной полуулыбке. Он уже рисковал позыркивать по сторонам и про себя посмеивался, заметив у башни три или четыре неуклюже вскопанные грядки. Морковь, репа. Ну надо же! Если он выживет – тьфу-тьфу! – то обязательно расскажет об этом в Тартаре! Лучший мечник мрака, в прошлом античный бог – и вдруг какая-то, понимаешь, репа!

Мысль так и не была додумана до конца. Стрела с черным оперением вонзилась в землю у конских копыт. Конь захрипел, подался назад. Одновременно за спиной стража послышался вопль. Оказалось, проводник вздумал свернуть с тропинки, обходя башню по кругу, и теперь висел головой вниз на трехметровой высоте, захлестнутый за правую ступню туго врезавшейся веревкой. Левая нога, оставшаяся свободной, нелепо взбрыкивала.

– Арей! – крикнул страж. – Арей! Это же я, Эрлун! Мы с тобой вместе были в Эдеме!

– И вместе из него изгнаны, – послышался глухой голос.

Гонец тронул было коня, но новая стрела вонзилась рядом с первой. Расстояние между стрелами было не больше ладони.

– Сколько мы с тобой не виделись, Арей?.. Лет двести? Со дня Большой битвы, когда поглегло столько наших? Я был ранен. Долго восстанавливал силы... – Эрлун говорил искаженно, обращаясь ко всем поочередно бойницам башни.

– Рад, что ты их восстановил. А теперь уезжай!.. Если бы когда-то мы не были друзьями, я послал бы стрелу тебе точно в дарх. Это больно, поверь! Гораздо хуже, чем просто получить смертельную рану.

– Мы же друзья!

– Вот как? То есть ты приехал просто как друг, решивший навестить изгнанника? Без всякой задней мысли? Без единственного задания? Двести лет восстанавливал силы, а восстановив, сразу помчался навещать друга?

Эрлун замялся. Потом, решившись, крикнул:

– Ну да, поручение есть!.. Меня послали поговорить с тобой! Я искал тебя почти неделю... Искал без магии, сам знаешь почему! Все это время я не слезал с седла и спал на каких-то ветках под дождем! Ты меня знаешь: я привык к роскоши, для меня это мука! Из уважения к моим страданиям – поговори со мной!

Долгое молчание. Потом тот же глухой голос недовольно произнес:

– Ну валяй! Можешь сказать, зачем ты пришел!

– Могу я хотя бы зайти к тебе?

– Зачем?

– Уютнее говорить с собеседником, когда видишь его.

Опять молчание. Эрлун не рисковал приближаться, разглядывая грядки. Для некоторых Арей притащил земли и поднял их на досках, чтобы плодородный слой был выше и корни не боялись лишней влаги. А это что? Тыква! Невероятно! В этих лесах вызрела здоровенная тыква!

– Это очень хорошая тыква, – сказал Арей, заметив, куда повернута голова Эрлуна. – Она уже подарила мне трех кабанов! Они подходят к ней ночью и задевают веревку самострела... Один из них сделал это вчера.

– Так давай его зажарим! – предложил Эрлун.

– Уже.

– На вертеле?

– Только не на вертеле, – отозвался Арей. – Всякий раз, как я пытался провернуть затею с вертелом, я понимал, что это блажь. Внутри мясо никогда не пропекается, а снаружи обгорает. На вертеле можно зажарить в лучшем случае кролика или пару куропаток.

– А как тогда?

– Тонкими ломтиками на раскаленных камнях. Или запечь в углях, но осторожно... Большой огонь может привлечь ненужное внимание. Порой забредают всякие твари с той стороны. И знаешь, хотя я и неплохо владею мечом, лишний раз я к ним не выхожу.

Эрлун увидел на камнях башни следы когтей и зубов. Многие из них были почти у бойниц второго этажа.

– Может, ты меня все жепустишь? – попросил он.

– В башню – нет. И не жди слова «извини». При отказе оно всегда звучит как оскорбление.

– Почему? Я же твой друг!

– Ты всеобщий друг, Эрлун! А всеобщий друг – это как слишком любвеобильная женщина, только и ждущая, чтобы ее поманили пальцем. И еще ты болтун! Сейчас ты мой друг, охотно верю. Потом станешь другом любого другого: Вильгельма, Барбароссы, какого-нибудь африканского божка с головой леопарда. Оттого умный горбунок и послал тебя, что ты быстро втираешься в доверие. И, разумеется, немедленно выбалтываешь всякому новому другу секреты всех предыдущих. Причем не думаю, что по злобе. Я не стал бы тебя излишне демонизировать!

Аррей расхохотался. Должно быть, последняя шутка показалась ему удачной.

Эрлун спешился и теперь стоял рядом с конем, держа его под уздцы:

– Ты меня обижаешь! После Эдема я всякий раз вступался за тебя, когда ты выводил из себя Кводнона и он собирался подсылать к тебе убийц.

– И Кводнон тебя слушал? – спросил Аррей.

Эрлун смутился.

– Ну хотя бы задумывался, – сказал он нерешительно.

– Какая разница! Теперь Кводнон мертв, но есть Лигул... И знаешь, Кводнон устраивал меня больше. Он хоть и подсылал убийц, но, как я подозреваю, лишь тех, которые ему надоели. Так что я был убийцей убийц, провинившихся перед хозяином. Любопытная роль, я тебе скажу!.. Но это мелочи! У Двумликого были и плюсы! Канцелярия при нем занимала крошечную комнатку, где сидели два полуслепых писца, у которых вечно не было ни одного чистого пергамента. Они кропали на каких-то клочках, соскребая с них ножичком предыдущий текст. Теперь же все буквально было завалено бумагами. Прекрасные пергаменты из человеческой кожи! Кровь четырех групп! Восьми резусов! И упаси Таргар перепутать, каким резусом писать какое прошение! Молодые стражи радостно перековыывают мечи... ха-ха... на чернильницы, потому что кляузами можно добыть больше эйдосов.

– Да-да-да! – горячо закивал Эрлун. Он прямо дрожал от негодования. Даже усики у него прыгали, а нос так и вовсе побелел. – Ты совершенно прав, Аррей! К этим гадам-чинушам без эйдосов и не суйся! А ведь эйдосы не просто так достаются!

Десять дней назад Эрлун преспокойно сидел в кабачке при канцелярии и вместе с канцеляристами пил хорошее вино. Разумеется, с теми, кто его угощал, он прекрасно ладил. Более того, искренно поругивал рубак, которым все достается даром. Удачный укол мечом – и вот тебе награда: полный эйдосов дарх или золотые крылья! Разве эти грубияны понимают, что такое кропотливый, ежедневный труд в душной канцелярии? Не протирают до блеска рукавов! Не искривляют позвоночник. Не портят зрение, вглядываясь в полные лжи цидульки комиссионеров, с претензией на слезы, закапанные из пипетки соленой водой.

Ох уж эти гадики! Нет числа их уловкам в отчетах! К примеру, напишут: «1 Отличн. эйд». И поди разбери: сколько эйдосов должно быть. Вроде 10. А вроде совсем и не десять. И если десять, то почему к отчету приложен один, если из текста следует совсем другое?! Э?

А если и прилипнет кое-что к рукам, так что ж из того? Тут вам не Эдем, а зона свободного предпринимательства! Их первых не уважали бы, начни они отказываться от подношений. Опять же, даром, что ли, работать? В те минуты за чашей вина Эрлуну казалось, что он тоже канцелярист! Да-с, канцелярист! Он завтра же пойдет к Лигулу проситься на работу! У него, между прочим, прекрасный почерк! Уж он выведет этих комиссионеров на чистую воду! Узнают они у него, как обманывать стражей! Ох, узнают!

Теперь же, оказавшись в обществе мечника Аррея, он так же искренно ругал и канцеляристов. Да здравствуют рубаки! Он тоже, между прочим, рубака! Как-то незаметно для себя, ибо язык у него всегда работал параллельно с мышлением, Эрлун рассказал о битве с *гробовщиком*,

которая стоила ему меча, и о третьем своем спутнике, исчезнувшем ночью. Над потерей меча Арей посмеялся, на что Эрлун и надеялся, а про наемника сказал:

– Что, прямо так одежду оставил и ушел?

– Да. В болото.

– Хм... Самый любопытный вопрос: почему он погиб, а вы двое уцелели? Но в этом-то и ключ.

– Ты знаешь, кто его убил?

– Догадываюсь. Видимо, *красавка*. Причем плюнула она в него, скорее всего, днем и незаметно ползла за вами, дожидаясь, пока слюна подействует. А когда отключила сознание, то загнала его в болото, чтобы он утонул.

– Зачем?

– Красавка сама не убивает. Ей нужны только сердце и печень. Там огромные запасы энергии. Ест же она мало. Желудок маленький.

Эрлун невольно схватился рукой за грудь:

– А наши сердца?

– Ты страж. Твое сердце *красавке* не подходит. Твой проводник – волкодлак, хотя и не чистый. В общем, считайте, что вам повезло.

Эрлун вздохнул и опять продолжил болтать. Из башни некоторое время благосклонно слушали, а затем Арей ворчливо сказал:

– Ладно уж. Подожди!

Послышался звук отодвигаемого засова. Вышедший Арей был в белой льняной рубахе. Босой. Сверху рубахи – куртка с железными, без зазоров подогнанными пластинами и безрукавка из медвежьей шкуры. Когтистые медвежьи лапы зачем-то оставлены и болтаются на плечах. Меч висит за спиной. В руках – лук и пара стрел.

Эрлун жадно уставился на Арея. За то время, что они не виделись, барон мрака сильно изменился. Некогда худое лицо расширилось, обросло бородой. Кое-где в ней поблескивали белые волоски. Пока мало, но оттого, что борода была очень черна, они бросались в глаза.

Арей погрузнел. Трудно было узнать в нем легкого, стремительного в полете стража, носящегося в воздухе быстрее молнии. А крылья! Как ослепительны и прекрасны они были! Когда их заливал солнечный свет, на них было больно смотреть. Эрлун невольно попытался заглянуть Арею за спину. Нет, крыльев там, разумеется, не оказалось. Но не было и горба, как у Лигула.

– Что-то не так? – спросил мечник.

– Да нет. Смотрю на тебя... – торопливо сказал Эрлун. – Просто ты...

– ...Изменился? – подсказал Арей.

– Есть немного, – признал Эрлун.

– Ты тоже другой, – успокоил его Арей. – Когда-то в тебя влюблялись все нимфы и дриады, а ты смущался и не смотрел на них, так был чист и застенчив. Мы шли по лесу, а с деревьев звучал нежный смех. А теперь что?

Эрлун невольно вспомнил тех нимф и дриад, которых видел в последние дни. Ни одна из них даже не подошла к нему.

– Да, – сказал он. – Теперь мной интересуются только ведьмочки, в меру молодые и не в меру корыстные. Просыпаешься утром и видишь, что они вытрясли все золотые монеты, а чтобы не изменился вес кошелька, подсыпали туда мелких камней. Одна позарилась даже на дарх, но он прожег ей ладонь до кости. Визгу было!

Арей ухмыльнулся. Любовные интрижки у стражей мрака скорее поощрялись, особенно среди рубак, но что-то серьезное и постоянное сурово каралось. Что-то серьезное – это уже любовь. А где любовь – там измена мраку.

– Идем, Эрлун! – сказал барон мрака. – С той стороны башни есть неплохое бревно. На нем удобно сидеть... Коня привяжи здесь. Ступай за мной осторожно! След в след!

Прежде чем последовать за Ареем, Эрлун вопросительно оглянулся на болтавшегося на веревке проводника. Тот силился перерезать веревку, но всякий раз немного не дотягивался. Его лицо было багровым от притока крови.

– Отпустишь его? – спросил Эрлун.

– Хочешь, чтобы отпустил?

– Да.

– Твой выбор!

Арей вскинул лук и выстрелил. Стрела перебила веревку. Проводник, не готовый к тому, что сейчас произойдет, головой воткнулся в землю и затих.

– Заметь: про «отпустить» была твоя идея, – сказал Арей. – Не волнуйся, он скоро очнется. Я знаю эту породу. Живучая.

Эрлун вздохнул:

– Ничего. Я пока заплатил ему только половину. Так что, если он сломал шею, это будет не так уж и плохо.

Они пошли к башне. Эрлун с интересом разглядывал ее вблизи.

– Сам построил? – спросил он.

– Нет, – отозвался Арей. – Жил тут до меня один невольный отшельник. Говорят, крепкий был детина. Убил в городе четверых и бежал с виселицы, забыв в глазу у палача острую щепку... Возвращаться в город ему ой как не хотелось, и он поселился в этой башенке. И долго ведь жил! Примерно лет шесть. Я сужу по зарубкам внутри.

– Почему «примерно»? Ты не говорил с ним?

– Не успел, – отозвался Арей. – Когда я сюда пришел, от него мало что осталось. Кто-то вытащил беднягу через вон ту верхнюю бойницу. Протащил здорового мужика в щель, куда и руку-то едва просунешь, и слопал его на огороде. На память о нем мне остался лишь правый сапог и эта башня.

– Кто мог пролезть в закрытую башню? – спросил Эрлун.

– Разные есть версии, – охотно объяснил Арей. – Например, туманный змей. Милый узкий червячок пяти метров длиной. Просачивается вместе с утренним туманом. Вместе с туманом уходит, оставляя такие вот подарочки. Двигается... ну, в общем, разглядеть иногда можно, но если он ползет по делам, а не атакует тебя... Или другой вариант: *ховала*. Ты когда-нибудь видел *ховалу*?

– Нет.

– Напрасно. Существо с двенадцатью глазами. Все расположены на невидимом обруче вокруг головы. Когда оно идет по лесу, кажется, что ты видишь зарево пожара. Причем такое, что ты уверен, что там и земля уже спеклась. На самом же деле лес почти не страдает. Ну, может, молодые листочки где свернутся.

– Ты не пытался с ним сражаться? – жадно спросил Эрлун, покосившись на меч Арея.

– Сражаюсь помаленьку... И знаешь как? Тактика здесь простая. Когда видишь *ховалу*, надо поворачиваться к ней лопатками и бежать со всех ног. Очень быстро бежать. Если тебе повезет, ни один из двенадцати ее глаз тебя не заметит.

– А убивать ее как же?

– А убивать ее будешь ты, – сказал Арей терпеливо. – Могу тебя к ней отвести. Правда, придется пересечь границу. Она, видишь ли, ходит туда-сюда. Не задерживается долго на одном месте.

Эрлун воинственно потрогал рукоять своего кинжала, однако этим всё и завершилось. Арей ничего другого и не ожидал. Он хорошо знал Эрлуна.

– Но мы же стражи мрака! – буркнул гость.

– В том-то и дело. Просто стражи мрака. В Эдеме ты, насколько я помню, тоже не лез мериться силой к грифонам.

– Но это же грифоны!

– А это просто *ховала* – создание молодого мира! Знаешь, что такое первохаос? Это материал, из которого лепили звезды. А творения первохаоса? Все возникало стихийно! Гро-моздилось, вспыхивало, бурлило. Громадные запасы творческих энергий спешили самоорга-низоваться! В какой-нибудь твари размером с теленка может быть больше магии, чем на всей Лысой горе. И все эти твари здесь совсем близко! За границей!

В лесу кто-то завизжал. Визг, нарастая, всверливался в слух секунд десять. Потом так же внезапно пресекся. Эрлун побледнел и подался вперед. Арей озабоченно повернул голову:

– Должно быть, *высосень* поймал кабанчика. Надо запомнить, что в той части леса на этой неделе лучше не бывать.

– Кто такой *высосень*?

– Небольшой такой червячок. От локтя до ладони, – с удовольствием объяснил Арей. – Почти прозрачный. В теле пульсируют зеленые нити. Это кровь у него такая. Зубы... Представь себе зазубренный круг с мелкими, едва различимыми костяными выступами. А внутри еще один зазубренный круг. И оба круга вращаются навстречу друг другу с чудовищной скоростью. И вот этот милый червячок спрыгивает на жертву с ветки дерева.

– А что он высасывает?

– Да, в общем, всё, и очень быстро. Раздувается так, что становится крупнее чуть ли не в десять раз. Но начинать больше любит с мозга. Когда мозг выпит, основные части тела меньше сопротивляются. Червячок всё же нежненький, кожа тонкая. Бережет себя.

Эрлун поежился. Оглядевшись, присел на бревно, перед этим для надежности толкнув его ногой, чтобы убедиться, что оно ни во что не превратится.

– В лесу здесь не слишком уютно, – пожаловался он, уныло разглядывая свой грязный балахон. В Эдеме Эрлун слыл большим чистюлей. А тут болота, сырость, пыль, пот, кровь.

– Ты ведь хотел сказать нечто совсем иное, не правда ли? – проникновенно спросил Арей.

– Да. Хотел спросить: зачем ты сюда забрался?

– Во-первых, тишина, – сказал барон мрака, с удовольствием загибая сильные, будто из железа выкованные пальцы. – Ну не считая форс-мажора... – кивок на чашу. – Во-вторых, много случаев попрактиковаться, причем в условиях нетипичных. Одно дело биться со стра-жем света, все маголодии которого знаешь наперечет, и совсем другое – с мавкой, болотни-ком или глазоедлой. К каждому надо подбирать особый ключик. Всякие там *posta de finestra* и *roverso ridoppio* против глазоеды не сработают. Он, понимаешь ли, вообще не знает, что такое диагональная атака или стойка окна. Зато прекрасно понимает, как подобраться под землей и атаковать снизу.

Кто такая глазоедла, Эрлун не знал, но переспрашивать на всякий случай не стал. Вместо этого с тревогой посмотрел на рыхлую землю под ногами.

– Глазоеды не любят оврагов с каменистыми склонами, – успокоил его Арей. – И нако-нец, третий большой плюс жизни в приграничье: здесь тебя никто не дергает. Никто не шлет тебе бумаг и повесток в Тартар. Здесь я в равной степени далек от свершений света и делишек мрака.

– Но ведь здесь даже магию использовать нельзя из-за этих Запретных земель! – вос-кликнул Эрлун.

– Само собой, – признал Арей. – И это большой минус. Но и немалый плюс, поскольку и против тебя ее никто не использует. А раз так – то да здравствует старое доброе равенство клинков, копий, охотничьей ловкости и зоркого глаза.

– А если все же применить магию? – спросил Эрлун, борясь с искушением хотя бы раз нарушить запрет и попытаться.

– Запросто. Никаких физических ограничений не существует. Ни на руны, ни на искры. Все работает. Но никогда не знаешь, как отреагирует на твою магию первохаос. В лучшем случае не заметит. А в худшем – это все равно что плеснуть в океан водички из стакана и получить в ответ струю шириной в полноводную реку. Поэтому к магии здесь прибегают, только когда совсем нет другого выхода. Себе дороже выйдет.

Арей сел рядом с Эрлуном. Снял меч вместе с ножнами и, держась руками за гарду, опустил подбородок на навершие.

– Прежде чем ты уедешь, давай покончим с делами. Чего хочет Лигул? – спросил он.

Эрлун замялся. Возможно, затем, чтобы Арей почувствовал, что он сам не очень-то одобряет поручение, с которым его прислали.

– Ты должен будешь отбыть на Запретные земли! – ответил он.

Барон мрака цокнул языком.

– Всего-то? Но если они запретные, как я могу на них отбыть? Ведь это же означает нарушить запрет! – сказал он с насмешкой.

Эрлун напряженно рассмеялся:

– Лигул приказал тебе выдвинуться на Запретные земли и ждать в трактире «Топор и плаха».

– Чего ждать? Топора или плахи?

Эрлун перестал смеяться:

– Не могу тебе сказать. Сам не знаю.

– Но что-то же ты знаешь?

Эрлун осторожно кивнул, соображая, как много можно сказать:

– Чувствую, что дело важное. Лигул был очень озабочен и... одновременно полон надежд. Ну, как игрок, который может или много выиграть, или много потерять.

– Лигул не игрок. Он рискует лишь тогда, когда у него просчитаны оба варианта, – заметил Арей.

– Да. Но бывают игры, которые тебе навязали. Игры, затеянные не тобой, – сказал Эрлун. Сказал очень веско, словно намекая на что-то, о чем и сам едва догадывался.

– Нет, не подумай, я ничего не скрываю! – поспешно продолжал он. – Лигул не исключал, что ты откажешь, поэтому сообщил мне только часть поручения. Ты должен прибыть в трактир «Топор и плаха» и оставаться там, пока с тобой не свяжутся.

Арей хмыкнул:

– Час от часу не легче! Лигул называет земли Запретными. Строго – крайне строго! – не велит кому-либо из стражей мрака посещать их. И тут – раз! – для меня делается приятное исключение! И – два! – на Запретных землях чисто случайно оказывается трактир, который наш милый карла – опять же, заметь, прекрасно знающий, что трактир не мог возникнуть в один день, – не спешит стирать с лица земли!

Эрлун поощрительно хихикнул. Он был болтун многофункциональный. Умел не только говорить, но и слушать.

– Он говорил еще что-то? – вдруг спросил Арей.

– Лигул? Да нет вроде... Хотя... Он посоветовал тебе лучше вооружиться, – словно бы случайно вспомнил Эрлун.

В глазах у Арея зажегся неподдельный интерес.

– Это еще зачем? – спросил он.

– Не знаю. Скорее всего, чтобы сражаться.

– Хм... – протянул Арей. – Горбунок почему-то считает, что воин тем опаснее, чем больше на нем навьючено оружия. Будь это так, каждый разгуливал бы с двумя мечами, несколькими копьями, топором, щитом размером с лодку, да еще в броне и с кинжалом в зубах. Противнику нужно было бы только устроить такому бойцу небольшую пробежку. Через кило-

метр он упал бы со страшным грохотом. Оставалось бы только подойди к нему и, вежливо постучав в забрало ломиком, забрать весь этот металлолом.

– Ты отказываешься? Или соглашаешься? – спросил Эрлун. – Что Лигулу-то передать?

Арей задумался.

– Нет, – сказал он. – Я, разумеется, отказываюсь, но... я засиделся на одном месте. Мне нужны здоровые спортивные забавы! Хотя бы дойду до этого трактира и напьюсь. Потом кого-нибудь зарублю и вернусь обратно... Иди к проводнику! Думаю, он уже очнулся. Поешьте и ложитесь спать. Так и быть, я впущу вас в башню. Завтра утром мы дойдем с вами до границы и там расстанемся.

Эрлун встал и пошел искать проводника. Арей окликнул его:

– погоди!.. Слушай... давно хотел спросить, и именно у тебя... Ты ведь влюбляешься?

– Ты, надеюсь, не про ведьмочек? – уточнил Эрлун.

– Нет. Я имею в виду другое. Запретное.

Красивый страж, до того словоохотливый, стал вдруг очень осторожным:

– Один раз.

– Тебе потом было больно?

– Да. Я... должно быть, действительно вложил какую-то часть души, но она почему-то не отозвалась... Видимо, испугалась. Женщина всегда понимает: нужна она тебе на всю жизнь или просто как забава.

– Но ведь иногда женщину устраивает и второе?

– Разумеется. Но мы же сейчас говорим о запретном? Разве нет?

– Да, – признал Арей. – О запретном. Должно же действительно существовать нечто запретное, если даже в Запретных землях у нашего шустрого лидера оказался трактир!

Эрлун улыбнулся, довольный, что появилась возможность свернуть с опасной темы, и отправился искать проводника. Тот, уже очнувшийся, угрюмо стоял рядом со своим конем и с тревогой вслушивался в шорохи леса.

– Пойдешь со мной! – велел Эрлун.

Проводник, прихрамывая, потащился за ним. Вскоре они уже стояли у башни. Дверь была приоткрыта. Слышно было, как Арей возится где-то внутри. Проводник втягивал голову в плечи и, дрожа, тихонько рычал, как делает пес, когда чего-то боится.

– Эй! – сказал Эрлун. – Чего ты?

– Страшно мне, – сказал проводник. – Я ж перед ним провинился. Нельзя было сюда никого приводить.

В низких дверях показался Арей.

– Коней вам лучше поставить в защитный круг. За башней есть небольшой загон. На каждом столбе там охранные руны. Конечно и в загоне до них доберутся, но не сразу.

– Это тартарианские кони, – сказал Эрлун.

– Я в курсе. Но, на свою беду, они еще и съедобны, – отозвался Арей и, покосившись на проводника, буркнул: – Ты слышал? Займись конями! Потом возьми себе кабанью ногу, ложись на солому – и чтобы до утра я не знал, где ты есть... Где-нибудь встречу тебя ночью – заколю.

Проводник торопливо увел коней.

– Боятся тебя, – сказал Эрлун. – Единственный из всех согласился меня провести. А ведь я предлагал немалые деньги.

– Боятся, – отозвался Арей. – А что ж делать? Для них страх – это единственная доступная форма уважения... В первое время, как я здесь поселился, они принялись было мне докучать, но я объяснил, что не стоит, и теперь у нас мир.

Эрлун с осторожностью двинулся в полумрак башни. Здесь, внизу, горела единственная свеча. Пламя ее, дрожа, освещало каменные ступени, которые, обвивая края башни, вели

вверх. Эрлуна туда не приглашали, и он благоразумно остался внизу. Впрочем, и сам Арей, похоже, поднимался наверх лишь затем, чтобы пострелять по гостям из лука. Все его мечи, копья, топоры, щиты – а их имелось немало – были в тщательном порядке развешаны на стенах.

Здесь же помещались небольшой деревянный стол и рядом с ним лежанка. На столе валялись несколько растрепанных книг и стояла деревянная чаша. Снаружи чаши золотой вязью было написано: «**Я пил из чаши бытия, хотя края отгрыз не я!**» – а внутри той же вязью, только наполовину стершейся: «**Я пил из чаши бытия, хотя края отгрызть ея!**» Разница небольшая, но существенная.

На краю стола лежал предмет, который не часто встретишь у темного стража, – флейта. Сломанная, но заботливо склеенная. Это была совсем простенькая флейта, пастушеская, без всяких новомодных штучек. Эрлун решил, что эта флейта – одна из трофейных, но после пригляделся к ней повнимательнее. Приглядевшись же, потянулся к ней рукой, но, что-то сообразив, обернулся. Арей, сделавший уже полшага вперед, смотрел на него страшными глазами. Рука его лежала на рукояти меча. Эрлун понял, что, прикоснись он к флейте, Арей отрубил бы ему кисть.

– Это же... твоя? – тихо спросил Эрлун.

– Узнал?

– Как же не узнать! Наши флейты – твоя и моя – были очень похожи. Помнишь, мы даже менялись ими, когда...

– Не надо! – прервал Арей. – Я никогда не был хорошим флейтистом... Летал я гораздо лучше.

– А сейчас ты играешь?

– Играю. В кости и в карты, – глухо ответил Арей.

– А на флейте?

– Ни разу с тех пор, как... Вот даже сломал.

– Сломал, но склеил?

– Склеил, – подтвердил Арей, точно сам этому удивившись. – Хотел поместить ее внутрь рукояти меча. Говорят, так он лучше рубит светлых. Даже сделал это, но потом почему-то передумал.

Эрлун что-то промычал. Это было сложносоставное такое мычание. Вроде как и поощряющее и осуждающее одновременно.

Медвежья лапа Арея сгребла флейту со стола. Занесла над головой, собираясь разбить, но передумала и заботливо убрала в ларец. Когда Арей открывал его, внутри что-то блеснуло. Эрлун готов был поклясться, что это крылья светлых стражей. Вот только почему Арей не сдал их в канцелярию? Ведь существовал же строгий приказ Лигула, что все трофеи, захваченные у света, должны храниться в Тартаре, чтобы свет не смог вернуть их вновь.

– А мне как-то безразлично, – сказал Арей, считав его мысль. – Пока я жив, я сам их свету не отдам. Я если кому-то из них повезет, то не все ли мне равно, вернут ли они себе свои куриные крылышки или нет?!

Эрлун торопливо забормотал, что да-да, очень правильно. У него самого, конечно, не очень много трофейных крыльев, можно сказать вообще нет, но если бы были, то...

– Хватит, – поморщился Арей. – Перестань поддакивать!.. Лигулу ты ведь тоже поддакиваешь? Знаешь, есть такие собачки, которые бегут за всяким, кто бы их ни позвал...

Эрлун вспыхнул, но вспыхнул так-то неровно, пятнами, вроде бы покрывшись диатезом.

– Я просто говорю о собачках! – невинно продолжал Арей. – Я, знаешь ли, люблю наблюдать. Обычно они обитают возле трактиров, эти собачки. Великие знатоки душ! Всегда знают, когда заглянуть в глаза, а когда отвернуться и разыграть эдакую благородную грусть. Бывает, в трактир приедет богатый купец. Выпьет, расположится к собачке, накормит ее вырезкой. Не костью, заметь! А наутро, если голова с перепоею болеть не будет, свистнет ее с собой! Казалось

бы, вот счастье! Живи себе с купцом!.. Но нет, и дня не пройдет, как эту собачку свистнет какой-нибудь нищий, показав ей высохшую птичью лапку. И что же? Она бежит за ним получать свои пинки!

– Не такая уж она плохая, эта собачка, если бросила купца ради нищего! – дрожащим голосом произнес Эрлун.

– Это да. Но я не искал бы тут благородства, потому что и нищего она скоро бросит. Просто бедной псине недоступно стратегическое планирование, – подытожил Арей, растягиваясь на лежанке и взглядом показывая Эрлуну на солому.

Эрлун осторожно прилег. В соломе шуршали мыши.

– Я все думаю о нашем изгнании из Эдема, – сказал Арей. – Почему нас выкинули, как котят? Летали мы на крылышках, дудели в свиристелки, а потом – раз... Извольте выйти вон! Все произошло мгновенно... Наше недовольство тлело, тлело и... однажды вспыхнуло. Мы пошли за Кводноном. Не потому пошли, что так уж увлеклись им, а потому... потому что пошли. Он был нам ближе. Мы многое считали несправедливым. Верь, верь, верь – это нам твердили каждый миг! Верь, будь проще, не завидуй! А как поверить, что это жалкое создание – человек, с искрой вечности в груди, это вам не обезьяна! Все упирается в эту веру, будь она неладна!

Арей перевернулся на другой бок. Подсунул под щеку какую-то жуткую, мятую, с тремя рядами зубов морду, служившую ему подушкой.

– Напрасно, конечно, я тебе все это говорю. Ты же потом разболтаешь. Но знаешь, тут в лесу так одиноко, что иногда начинаешь говорить с деревьями. А ты все же мой бывший друг... Что там показали той собачке? Высохшую лапку?

– Не надо, – умоляюще попросил Эрлун.

Мечник ухмыльнулся:

– Ну хорошо: нас изгнали. Но давай разберемся в причинах. Кто-то из наших говорит – из-за человека. Другие утверждают: власть. Ты уже вырос, имеешь какие-то свои мнения, а тебе говорят: а ну-ка не рассуждай!.. Делай так-то и так-то!

Эрлун слушал жадно. Даже сел на соломе, хотя до этого лежал. Глаза у него мерцали, как две искры. Когда-то в Эдеме считалось, что у Эрлуна самые красивые глаза. Что они светятся, как две дальние звезды перед рассветом: то вспыхивают, то вдруг гаснут и опять вспыхивают.

– А я думаю, нет, – продолжал Арей. – Первенство – это так, вторично. Мы его отблеск и как раз этого-то и не можем ему простить. Мы творение. Мы горшки, сделанные Его рукой. И нам ужасно досадно, что горшок должен быть послушен. А он должен... потому что он горшок!

– При чем тут горшок? Просто ревность старшего ребенка при появлении младшего. Кто-то из старших детей справился с ней, а мы откололись! – ляпнул Эрлун и вздрогнул, втянув голову в плечи.

Вдруг Лигул услышит? Лигул, конечно, не Кводнон, но не всё, что позволено Арею, позволено Эрлуну. Арей – мечник, солдат. Солдатам же многое прощается. Не все ли равно, что думает тот, кто сложит голову в бою, – лишь бы сложил ее на правильной стороне. Вот и сейчас Арей позволяет себе свободомыслие, а завтра преспокойно пойдет на Запретные земли. А вернется ли?..

Но Арей уже храпел, точно прекрасную девушку, обнимая рукой свой меч.

Глава третья. Прогулки по лесу как основа здоровья

Жизнь так устроена, что погибает в первую очередь тот, кто мечтает выжить любой ценой.

Дион. Из карандашных записей на обложке нот.

Арей остановился. В десяти шагах от него лес пересекала цепочка красных грибов. Грибы росли через равные интервалы. И всё. Никакой следовой полосы, никаких титанов с узловатыми дубинками.

– Граница, – сказал мечник. – Дальше Запретные земли.

– А на вид обычный лес, – отозвался Эрлун.

– Ну так пошли со мной! – предложил Арей.

Эрлун оглянулся на проводника. Тот пятился, не сводя полного ужаса взгляда с грибных шляпок. Последние версты проводник тащился как на казнь, держась строго за Ареем и ступая только в те места, куда до него ступал барон мрака. Коней они по настоянию мечника оставили у башни и весь дневной переход прошли пешком.

– Э-э... Я бы с удовольствием, но мне нужно в Тартар, – сказал Эрлун. – Лигул ждет.

– А ты купидона пошли! Телепортироваться нельзя, а это можно! – невинно посоветовал Арей.

– Купидона к Лигулу? – ошалело спросил Эрлун.

– К Лигулу. Записку спрячь в букет черных роз, обвитых красной лентой. Для конспирации, а? – Арей произнес это хладнокровно, но, увидев лицо Эрлуна, не выдержал и расхохотался.

Эрлун тоже рассмеялся, но сразу примолк и тревожно оглянулся, проверяя, не слышит ли их проводник. За подобное неуважение к начальству Арей вечно и оказывался в изгнании.

Они попрощались. Барон мрака подтянул нагрудный ремень и, бросив перед собой горсть хвои, осторожно перешагнул через цепочку красных грибов. Эрлун и проводник молча смотрели, как он удаляется.

Потом, подчиняясь неведомо чему, проводник задрал к небу подбородок и кратко, но с глубоким чувством завыл. И вой этот был сложной смесью уважения, облегчения, боли и тоски.

Арей шел по лесу. Именно шел, а не крался. Шагал спокойно, широко, но одновременно и зорко. Никакой тропинки не угадывалось. Частые ямы, овраги. Казалось, здешнюю землю когда-то взбороздило неведомое нечто. Выбросило наружу камни, процарапало ручьи, пробило болота.

Арей всматривался в блики света на сосновой коре. В белые, выжженные там, где на них часто падало солнце, листья молодых дубков. В сдвоенную березу, почти потерявшую цвет, какую-то седую, с подтеками. В вывороченные, покрытые лишайником камни, приподнятые корнями. В подтеки смолы на еловых стволах. В длинные, точно водорослевые бороды на влажных деревьях. Ветер трепал их, и ствол, покрытый сеточкой мелких трещин, сучков, складок, казался бородатым лицом лешака. Хотя лешаки здесь тоже водились. Дважды Арей встречал их следы, напоминавшие следы корней на месте, где выкорчевали пень.

Огибая болотце, мечник по пологому склону скатился в сырую низинку, напоминавшую огромный котлован. В низинке в страшной тесноте жались ели. Вечно затеняли и убивали друг друга в давке, как две рыцарские рати, столкнувшиеся на узеньком мосту. Арей присел отдохнуть. У его сапога росла молоденькая ель. Зачем-то барон мрака стал разглядывать ее. Нижние ветви зеленели только краями. Весь затененный центр был уже захвачен лишайником и паучьей паутиной с дрожащими в ней каплями дождя. Вся сохранившаяся, уже едва теплящаяся жизнь дерева сместилась к рвущейся к солнцу верхушке. Все зависело теперь оттого, сумеет

ли молоденькая ель пробиться к солнцу прежде, чем тень, мрак и лишайник доберутся до ее последних живых почек, как они добрались уже до всего остального.

А шансов пробиться у нее не было никаких. Соседние деревья выглядели и выше, и крепче, и росли удачнее. Это Арей видел совершенно точно. Он долго смотрел на эту ель. Почему-то это мало чем примечательное дерево не отпускало его. Что было в нем особенного? Может быть, то, что ель упорно сражалась за жизнь, безнадежно проигрывала, но все равно не сдавалась? Невольно Арей посмотрел и на свою руку, точно ожидал и на ней увидеть такой же лишайник, паутину и грибки.

«Везде одно и то же правило, – мрачно подумал он. – «Пробейся к свету – и обретишь жизнь!» А если что-то не сложилось? Если ты замешкался на старте, если отвернул в сторону? Если, как эта ель, вырос в маленькой ямке? Ведь сколько выживает молодых деревьев? Одно из сотни? Как же быть тем, которые не смогли? Не нашли в себе сил?.. Чего ей мучиться? Пусть умрет сейчас!»

Арей поднялся. Отойдя шага на три, закрутившись, рванулся назад. Громадный меч, полыхнувший в его руке уже к началу замаха, поначалу был направлен в молоденькую ель, собираясь пресечь ее муки. Лишь в последний момент клинок необъяснимо вильнул и перерубил два соседних, затеняющих малютку, ствола.

Срубленные деревья, еще не осознавая свою смерть, медленно завалились, и... сразу же вниз хлынули живительные струи солнца. Молоденькая ель оказалась заключенной в колонну света. Вокруг все было сумрачно и влажно, и только она одна стояла, окутанная светом, и дрожала каплями дождя в паутинках.

Арей, улыбаясь, глядел на нее. Потом спохватился, проверил, не осталось ли на мече забруин, и, убирая его, буркнул:

– Ну расти давай! Трепыхайся! А там видно будет.

Через полчаса барон мрака выбрался из котлована. Лес поредел. Арей нашаривал уже взглядом, куда ему двигаться дальше, когда в воздухе что-то мелькнуло. Он метнулся в сторону, перекатился и понял, что опоздал. Узкая длинная боль, пробив толстую кожу куртки, обожгла ему плечо. В следующие несколько секунд Арей метался, прыгал, отражая клинком что-то звенящее и падающее. Наконец ему удалось закатиться под корягу. Так же внезапно обстрел прекратился. Наверху захлопали кожистые крылья. Мечник увидел на траве тень, похожую на тень огромной белки-летяги. Кто-то неуклюже удалялся, прыгая и планируя с дерева на дерево.

– *Частоплой!* – прошептал Арей.

Убедившись, что чудовище улетело, барон мрака осторожно выглянул. Там, где он только что метался, в земле торчали узкие ледяные иглы. Несмотря на то что они были хрупкими, многие ухитрились вонзиться почти на палец. Там, где сосульки таяли, земля бурлила, точно ее полили кислотой. Кверху поднимался белый дымок. Плечо болело. Арей с усилием стащил с себя куртку. Царапина начинала воспаляться. Та же гадость, которая разъедала землю, разъедала теперь и его кожу.

– Затвердевший желудочный сок... На воздухе он моментально растворяется. Малыш предпочитает втягивать в себя добычу уже частично переваренной, – объяснил Арей. Привычка разговаривать с самим собой выработалась у него как-то незаметно. Хорошее средство от одиночества, когда годами живешь один.

Мечник достал из сумки склянку с желтым жиром охтянки. Вытащил зубами пробку. Обработал рану. В ране что-то шипело, боль была адская, но тревожащая краснота перестала расплзаться. Арей заткнул склянку пробкой. Убрал, перед этим благодарно поцеловав кривоватую бутылочку.

Полезный зверек *охтянка*! Похожа на бобра. Короткие, с треугольным основанием колючки служат как пластины доспехов. Питается корой, живет в глубоких норах. Выживает

мость поразительная. Ее жир затягивает любые раны. Как-то Арей поймал *охтянку*, насквозь пробитую гарпуном. Причем гарпун торчал в ней не меньше года. Когда же мечник увидел ее, *охтянка* преспокойно подтачивала зубами молодую ольху.

Натянув куртку, Арей продолжил путь. Уже начинало смеркаться, когда его внимание привлекли длинные шевелящиеся борозды. Временами поверх борозд мелькали зубчатые спины. Несколько *гробовщиков* один за другим шли на малой глубине, изредка сменяясь. Тот, кто прорывал землю, отходил назад для отдыха, землю же начинал рыть тот, что пробивался за ним следом.

Арей хорошо представлял, что означает, когда целые стаи *гробовщиков* с такой решительностью торопятся куда-то. Он повернул и, переходя с крупного шага на бег, заспешил в ту же сторону, куда тянулись борозды. И он опередил их, хотя и не намного. Когда между деревьями показался просвет, Арей понял, что приближается к лесной дороге. Недалеко от дороги в зарослях неподвижно стояла шишигла и пучеглазо глядела на него.

Арей подошел к ней и преспокойно похлопал ее по носу рукой. Размером *шишигла* была с некрупного слона. Из пасти чудища торчали громадные зубы. И уж, разумеется, руку такие зубы отхватили бы очень быстро. И не только руку. Однако Арей знал, что мало чем рискует. *Шишигла* – тварь очень замедленная. В глазах у нее обычно отражается то, что она видела час назад. Через час в них будет отражаться Арей. И тогда шишигла придет в ярость и помчится, круша деревья. Однако Арея рядом с ней уже не будет, поэтому самая большая опасность состоит в том, что можно попасть под *шишиглу*, разозленную кем-то другим.

Однако сейчас *шишигла* еще размышляет, и в глазах у нее не Арей, а... трупы.

Трупы?!

Арей выскочил на дорогу и увидел опрокинутую повозку. Рядом с повозкой на костях двух лошадей, спеша обглодать их, возились *скелерты*, тощие, длинные, покрытые чешуей. Пищали, визжали, ссорились между собой, скаля мелкие острые зубки. Увидев Арея, они зашипели на него. Не вынимая меча из ножен, он пошел между *скелертами*, расшвыривая их пинками. *Скелерты* на живых не бросаются. Из тел и костей они собирают себе собственные тела.

Задача *скелерта* – собрать себе максимально большое тело. Чем больше тело – тем ты успешнее в мире *скелертов*. Причем размер и форма волнуют их мало. *Скелерты* не эстеты. Одна нога может быть от лошади, другая от кролика, одна рука человеческая, другая – медвежья лапа. Удивительно, но даже при таком несоответствии конечностей *скелерты* ухитряются быстро двигаться. В мертвой ткани они восстанавливают нервную проводимость.

Однако Арей помнил, что в глазах *шишиглы* отражались не лошади. Троих он нашел почти сразу. Точнее, то небольшое, что оставили от них *скелерты*. Зато оружие, не интересовавшее *скелертов*, уцелело. Возле одного из тел, сильно поджаренного магией, лежал риттершверт, тяжелый рыцарский меч. К концу его клинка в кровавой каше прилипли волосы. Сегодня меч испил-таки крови, вот только хозяину его все равно не повезло.

Арей поднял меч, взвесил в руке, затем осторожно вытер кровь о траву. Хорошее оружие он узнавал сразу. Клинок многослойный, древней гномьейковки. Рукоять, обвитая тонкими полосами коричневатой кожи, завершалась круглым навершием в форме глаза.

Ящики валялись по всей дороге. Вылетали, когда обезумевшие от ужаса кони тащили опрокинувшуюся повозку. Почти все были грубо взломаны. Кто-то что-то искал, небрежно выбрасывая на дорогу все содержимое. А содержимое было странное: ошейники, цепи, громадные копыя, с которыми впору ходить на слона. Большое количество сухарей, два бочонка с солониной и масса инструментов, служащих для подземных работ: бадьи, веревки, кирпичи. Один из ошейников Арей поддел мечом и, подбросив, поймал левой рукой. Огромный. Разве что на великана подошел бы. Другие ошейники были поменьше. Вообще среди ошейников не замечалось и двух похожих. Казалось, тот, кто их ковал, понятия не имел, какого размера ока-

жуются шеи, и решил подстраховаться. Цепи, прикрепленные к ошейникам, все были тонкие, но прочные.

Из перевернутой повозки донесся слабый стон. Продолжая держать риттершверт в руке, Арей приблизился. Под повозкой, придавленный ею, лежал бородатый мужчина. По крупному перстню на пальце легко опознавался маг, причем маг темный. Перстень истекал слабым красным свечением, которое переливалось в землю, и чудилось, будто земля горит.

– Недобрый день! – сказал Арей.

Называть этот день добрым было бы глупо. Маг умирал. Это было видно по глубокой ране, которую он пытался зажать.

Маг открыл глаза. Посмотрел на Арея и атаковал его боевой искрой. Арей отразил ее подставленной под искру защитной руной, которую еще раньше увидел на клинке риттершверта. Искра скользнула по руне и, отклонившись, попала в голову одного из *скелертов*. Другие *скелерты*, сгрудившись, торопливо принялись разбирать его. Каждый норовил урвать себе побольше.

Убедившись, что промахнулся, маг заскрипел зубами и опять атаковал Арея искрами – на этот раз двойными. Двойная красная искра, да еще сразу после одиночной! На такое способен только боевой маг очень высокого уровня! Эти искры Арей уже не стал отклонять мечом. Просто отшагнул в сторону и принял к земле, пропуская их над собой...

Искры ушли в лес. Послышался глухой звук удара, и сразу же ввысь взмыла тонкая злая струйка огня. Мгновенно и яростно она всверлилась в тучи, загрохотавшие многочисленными молниями. Одна из молний ударила в землю всего в метре от повозки. Оба, и маг, и Арей, тяжело дыша, смотрели на грозовую тучу.

– Не делай этого больше! Я не враг, но в следующий раз я отрублю тебе палец, – предупредил Арей. – Ты понял?

Маг засопел, принимая это к сведению.

– Кто вы такие? Кто на вас напал? – продолжал Арей.

Он знал, что *скелерты* на путников не нападают. *Скелерты* собрались позже. Значит, напал кто-то другой. Причем не нежить. Вечноголодная нежить, взламывая ящики, не пропустила бы сухари и солонину.

Раненый маг молчал. Только дышал и с ненавистью смотрел на Арея.

– Это Запретные земли! Зачем вы пересекли границу? Вы знали, что здесь граница? – повторил Арей.

Маг едва заметно кивнул.

– Тогда зачем?

Молчание.

Мечник выпрямился.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он. – В лесу я видел *гробовщиков*. Скоро они сцепятся со *скелертами* и конечно прогонят их. *Скелерты* раненых не трогают, чего нельзя сказать о *гробовщиках*...

Маг продолжал прожигать Арея полным ненависти взглядом. Потом прохрипел:

– Хочу жить. Помоги мне! Все отдам!

Арей остановился.

– Все – это слишком абстрактно. Что именно? – спросил он.

– В повозке есть деньги. Они не нашли их... У возницы под сиденьем прикручен потайной... ящик.

– Деньги мне не нужны, – сказал Арей.

– Тогда что тебе нужно?

– Ничего такого, чего я не смог бы взять сам. Возможно, я захвачу этот меч. Он твой?

Глаза мага зажглись мстительным торжеством:

– Это меч одного из нападавших. Хоть немного, но я за себя отомстил!

– Кто на вас напал?

– Их было двое. Один вскочил на козлы и зарубил возницу. Тем мечом, что у тебя. Я выпустил в него искру, и сразу же другой ранил меня. Он двигался чудовищно быстро. Остальных убил тоже он. Потом я потерял сознание.

Арей кивнул. То, что один может убить двоих или троих, его не удивляло.

– Больше ты ничего не знаешь?

– Ничего.

Мечник оглянулся на ящики:

– Ошейники, цепи, кирки – зачем они?

Кольцо мага пульсировало. Он готовился выбросить в Арея еще одну искру, вложив в нее последние силы. Упрямый. Такой не скажет.

– Ясно, – сказал Арей. – Право на секрет есть право на секрет. Но вернемся к прозе жизни. Что ты можешь предложить мне такого, чего я не смогу взять сам?

Раненый не ответил. Арей присел на корточки. Силой оторвал ладонь, которой маг зажимал рану. Рана была нанесена копьем, причем магическим. Края у нее были оплавлены.

– Я буду жить? – волнуясь, спросил раненый.

– Да, – ответил Арей. – Если отречешься от эйдоса.

Маг облизнул губы.

– Да, – сказал он решительно.

– Что «да»?

– Да... Я знаю, кто ты! Помоги мне, и я отрекусь от эйдоса!

– Я тебе не верю. Ты не сдержишь обещания. Отрекись вперед! – потребовал Арей.

– НЕТ!

– Как хочешь. У меня время есть. У тебя нет.

Несколько секунд раненый глядел на него с лютой ненавистью. На его лбу выступили крупные капли пота. Арей ощутил, что он очень боится. Несмотря на перстень, пульсирующий магией, несмотря на бравату.

– Хорошо, – сказал маг. – Я тебе верю.

– Отлично, – одобрил Арей. – Тогда повторяй за мной и поспеши, а то можешь не успеть! Рана опасна. Времени мало.

Ни разу не сбившись, маг повторил формулу отречения. Истинным зрением Арей видел, как слова отрываются от его губ и, поднимаясь, медленно истаивают. Материальные слова, точно сотканые из дыма. Убедившись, что все произнесено правильно и до конца, мечник протянул руку и, легко погрузив ее раненому в грудь, извлек крошечную песчинку. Она выглядела тускло, но гнилой не была. Честно говоря, он думал, что будет хуже. У темных магов редко когда можно найти приличный эйдос.

Арей открыл свой дарх, бережно опустил в него эйдос и на мгновение закрыл глаза, чтобы ничего не упустить. По его телу прошла согревающая волна. Дарх умеет благодарить.

– Вот и все, – сказал мечник, закрывая дарх и проводя по нему рукой. Сосулька размялась. Обычно острая и колючая, сейчас она от удовольствия стала мягкой, как пиявка.

Заметив, что Арей пытается подняться, маг вцепился ему в запястье. Рука его была удивительно сильной, а пальцы просто стальные.

– Ты получил что хотел! А теперь помоги мне! Спаси меня! – прошипел маг.

Арей вздохнул:

– Помочь тебе невозможно. Даже Троил и тот не сумел бы. Рану нанесли магическим копьем. Но я могу посидеть с тобой до тех пор, пока... И *гробовщиков* я тоже отгоню. Это все, что я могу.

Пальцы мага сдавили запястье еще сильнее. Арей ощущал жжение от его магического перстня, но не пытался вырвать руку. Понимал, что и в самом деле кое-чем обязан. А значит, может потерпеть.

Маг задохнулся от ярости:

– Ты забрал мой эйдос! Ты... ты...

Арей пожал плечами:

– Я страж мрака. Утешь себя тем, что вряд ли твой эйдос попал бы к свету. Просто он попал бы не в мой дарх. Вот и вся разница.

– Ты обманул меня!

– Ты ведь человек опытный, да еще и маг. Сколько лет ты прожил? Триста? Больше? За это время стоило уяснить, что платить вперед нельзя. Особенно темным стражам.

– Будь ты проклят!

– Я и так проклят, – равнодушно отозвался Арей. – Сомневаюсь, что твое проклятие добавит что-нибудь новенькое... А теперь не трать силы!

Раненый стиснул зубы. Закрыв глаза. Заметно было, что он лихорадочно ищет выход, но в том-то и дело, что его не существовало. Небо над ним твердело. Прожитая жизнь наваливалась каменной плитой. Все жуткое, тщательно забытое, собиралось, лезло из всех углов. Время, останавливаясь, превращалось в вечность. От охватившего его смертельного ужаса не было спасения. Маг выстрелил бы в Арея искрой, но знал, что кольцо израсходовано и магия не скоро восстановится.

Не открывая глаз, маг отрывисто спросил:

– Ты хорошо разбираешься в ранах. Сколько у меня времени?

– Минут десять, – оценил Арей.

Маг все еще не выпускал его запястья. Правда, пальцы, сжимавшие его, слабели.

– У меня был шанс? – спросил он, кусая губы. – До того, как ты забрал мой эйдос? Был или нет? Отвечай!

– Не знаю, – тихо отозвался Арей. – Думаю, ты немало натворил в жизни дурного. Но, быть может, если бы ты сказал «прости», маленький шанс появился бы. Хотя бы крикнул его в последний момент, но от всей души, с искренним раскаянием. Или хоть прошептал бы. Но тоже от всей души... Просто «прости меня», и все.

Умирающий кусал губы:

– А если я скажу «прости» сейчас?

– Не знаю. Без эйдоса, скорее всего, бесполезно, – пожал плечами Арей, но раненый все равно сказал «прости». Причем не один раз, а множество, повторял очень тихо и жалобно, а на Арея уже не смотрел, точно того и не существовало.

А мечник сидел рядом и слушал. И думал о том, что сам никогда не сказал бы «прости». У него бы просто язык не повернулся. Или это было бы просто формальное слово. А этого недостаточно.

Когда именно умер маг, Арей не заметил. Просто в какую-то секунду рядом с ним возникла сухонькая старушонка. Барон мрака не видел, когда она появилась. И как она сделала последнее движение косой, тоже не заметил. Когда он обернулся, старушонка уже стояла рядом с колесом опрокинутой повозки и хихикала. Это было странное хихиканье, нутряное, словно бы и не связанное с губами и дыханием.

– Привет, Аидушка Плаховна! – сказал Арей.

Старушка умилилась. Аидушкой ее называли немногие.

– О, сюда я, кажись, косу уже посылала! Трудимся? – поинтересовалась она, обозревая дорогу, на которой лежали тела и копошились *скелерты*.

– Это не я.

– Да ладно, не скромничай! – отмахнулась старушонка и, с намеком взглянув на Арея, пожаловалась: – День-то какой стылый! Чой-то замерзла я.

– «Не послать ли нам гонца за бутылочкой винца? Руки зябнут, ноги зябнут, не пора ли нам дерябнуть?» – понимающе процитировал барон мрака.

Носик у Аидушки стал совсем маленьким.

– Заметь, не я предложила.

– Эх! А вот нету у меня медовухи. Не захватил!

Цокая языком, Аидушка достала высушенную тыкву. Встряхнула. В тыкве что-то булькнуло.

– Эх, тудыть твою растудыть! Что ж ты, совсем зеленый? В походы собираться не умеешь? Лучше б ты меч забыл!.. – сказала она и, отхлебнув, протянула Арею. Тот пригубил. Пойло было крепким.

– Кто это был? – мечник кивнул на мертвого мага.

Аидушка опять качнула тыкву, проверяя, много ли осталось. Осталось, видимо, мало, потому что старушка заметно опечалилась:

– Еще б я помнила! Сам знаешь, разнарядочка поступила и – чик! Еще пить будешь?

– Давай! – согласился Арей.

– Ну не хочешь – как хочешь! – сказала Аидушка, притворяясь глухой. – Ну до скорой до встреченьки!

– Надеюсь, не на работе... – буркнул барон мрака уже в пустоту. Он предпочитал лишний раз не встречаться с Плаховной, хотя и неплохо к ней относился. Просто он смешивал дружбу и работу, а Плаховна не смешивала. В этом между ними была большая разница.

Глава четвертая. Nemo omnia potest scire¹

*«Смотрите, как мы вас защищали до сих пор! 0 угроз
блокировано!»
Сообщение антивирусника*

– Собака была высосана! В ней не осталось ни капли жидкости! Громадный пес весил... ну, в общем, ничего! – сказал Багров.

Эссиорх кивнул:

– А еще что-нибудь странное ты заметил?

– Она выглядела натурально жутко. В жизни не видел более страшной мертвой собаки. Я даже Ирке ее не показывал. Сразу убрал, – сказал Матвей.

Эссиорх посмотрел на него очень серьезно. Он знал, что когда такое говорит некромаг – это не потому, что у него слабые нервы. Тут что-то действительно серьезное, потому что, отправляясь советовать, он даже Ирку с собой не взял.

– А в чем именно состояла эта жуть? Поточнее, – спросил Эссиорх.

– Уши у нее были прижаты, зубы оскалены. За несколько мгновений до смерти кто-то сильно напугал ее, так напугал, что страх передается всякому, кто на нее смотрит.

– Раны у нее какие-то были?

– Да, – сказал Багров. – Две ранки на шее. Я разглядел их чудом. Такое ощущение, что кто-то загнал в собаку два шприца и высосал ее досуха.

– Где вы ее нашли? – спросил Эссиорх.

– В Строгино, в районе торгового комплекса, где поворачивают трамвайные пути. Там творится что-то неладное. Нежить оттуда бежит. Мы пытались выяснить, но никто ничего не говорит. Все слишком напуганы. Один обезумевший джинн вселился в турникет в метро и стал захлопывать его с дикой силой. Одну девушку отбросило метра на четыре!

– То есть человек пострадал?

– Да нет, какой там человек! Я же говорю: это была девушка, да еще студент-медик! Еще на лету она оказала себе первую помощь. Отделалась кучей впечатлений и легким испугом, – сказал Багров.

Эссиорх усмехнулся:

– А что мрак? Суккубы и комиссионеры ведут себя обычно?

– Я бы сказал, что они чего-то ждут, но прямых стычек избегают.

– Странно, – задумчиво сказал Эссиорх.

Хранитель стоял у мольберта и писал маслом. С плеча у него свешивался Люль. Эссиорх старался поворачивать голову только в одну сторону, потому что подгузник Люля был вовсе даже не пуст и носом в него было лучше не утыкаться. Звать же Улиту было бесполезно. Всякий раз, как нужно было менять подгузники или утешать плачущее чадо, у Улиты происходило веерное отключение слуха.

– Кто тут папа? – говорила она сразу.

Или:

– Кто тут светлый? Кто? Кто? Кто?

И Эссиорх делал все сам. И очень даже неплохо справлялся.

Сейчас Улита бушевала на кухне. Слышно было, как она швыряет тарелки и как в мойке грохочет водопад, причем настоящий, потому что соседи снизу стучали по батареям как-то

¹ Никто не может знать всё (лат.).

приглушенно. Им было не до стука. Их квартира была заполнена водой настолько, что у них едва получалось, вынырнув, захватить ртом воздух.

– Это уже не мойка. Это бойка! – сказал Багров, сосредотачиваясь, чтобы помочь бедолагам.

– А? Что? – переспросил Эссиорх.

– Я говорю: это не мойка! Это бойка! – уныло повторил Матвей. Когда приходится повторять шутку, уже ясно, что она не удалась.

– Я устала! – донесся капризный крик Улиты. – Эй, отец! Я не готова была к материнству! А-а-а! Я хочу жить для себя! Мой ребенок не спит ночами. Он какой-то псих! В кого он такой?

– На этот вопрос лучше не отвечать. Он риторический, – шепотом сказал Эссиорх. – Сейчас она перебьет все тарелки, а потом мы ее накормим и она успокоится! Говорят, после третьего ребенка будет легче, а сейчас мы ждем только второго.

– Вы ждете второго?! – не поверил Матвей.

– Мне кажется, это очевидно, – отрезал хранитель.

В кухне загрохотали выстрелы.

– «Вальтер»! – попытался угадать Багров.

– Нет, «вальтер» поглуше, и звук у него смазанный. Это, скорее всего, ее любимый «глок». Главное, чтобы она не попала в мой мотоцикл. Только его я принципиально не восстанавливаю с помощью магии! – спокойно сказал Эссиорх.

– Э-э... – растерялся Матвей. – Может, мне зайти в следующий раз?

– У нас каждый раз теперь следующий, – сказал Эссиорх. – На самом деле все неплохо. За прошлую неделю я закончил две картины. Одна из них даже стоит красок, которые на нее затрачены. Вот только на байке не выезжал. Гололед, мороз, в шлангах все замерзает...

Он положил кисть, вытер руки полотенцем и, сунув Люля Матвею, попросил:

– Ну-ка поддержи мое чадо! Мне надо кое-что принести... Только сделай так, чтобы он тебя не видел!

– Почему?

– Ну потому, что это лишнее... – уклончиво ответил Эссиорх и быстро ушел.

Матвей же остался с Люлем на руках. Младенец Улиты и Эссиорха весил как пушечное ядро. Ел он не просто хорошо, а вообще непрерывно. Когда еды поблизости не оказывалось, сосал собственный кулак. Едва за Эссиорхом закрылась дверь, Люль стал поворачивать голову, чтобы выяснить, как такое может оказаться, что папа ушел, а он на руках у папы. В Люле начало пробуждаться неопределенное подозрение, что его надувают, но это было еще терпимо, потому что явных улик у Люля не было.

Помня предупреждение Эссиорха, Матвей избегал взгляда младенца, поворачивая его так, чтобы спрятаться самому. Несколько раз ему это удавалось. Он расслабился. И тут Люль резко запрокинул голову и, выгнувшись в позвоночнике как кошка, взглянул на Матвея из перевернутого состояния. Глаза его стали медленно распахиваться. Они распахивались, распахивались, пока не стали огромными как мир.

– Ути-плюти-плюти-тють! – неуклюже произнес Багров.

Люль закрыл глаза, хлопнув вместе с ними весь мир, и... одновременно широко распахнул рот. Рот был огромен, как бездна. Лицо его побагровело и...

Крика Матвей не услышал. Пришел в себя он от сильного запаха нашатыря.

– ...Плюти-тють! – повторил Матвей слабым голосом. Ему все еще мерещилось, что он держит Люля.

– Ну вот и очухался! Умница! – похвалила Улита.

– Что со мной было?

– Люлечка слегка закричал... – Улита сама понюхала нашатырь, поморщилась и, убрав его, стала обмахивать Матвея случайно схваченной книжкой.

– Я не слышал.

– Еще бы!.. Малыш испугался. Вы, некромаги, люди ночные, чуткие, прямо как летучие мыши. Разовые выбросы энергии вас сразу оглушают...

Убедившись, что Матвей очнулся, Улита перестала обмахивать его книжкой и впервые взглянула на обложку. Название у книги было невинное: «Магнолии в домашних условиях». Однако Эссиорх, как показалось Багрову, отчего-то смутился и, небрежно протянув руку, попытался книжку забрать.

– Это моя, – сказал он.

Улита не отдавала.

– Магнолия, магнолия... Миленький такой цветочек! – бормотала она. – Что-то мне это напоминает! Ах да! «Маг Ноль и Я»... Мага Ноля, значит, почитываем? И что же такого пишет этот маг Ноль, если его читают хранители из Хрустальных Сфер?

Улита схватила со стола соль и, тщательно обсыпав обложку, обдула ее. Прежнее название унеслось с книги вместе с солью. Новое же было такое:

«222 способа, как перевести бегательную энергию ведьмы в созидательное русло».

– И кто тут ведьма, а?.. Ну, читаем дальше! – Улита распахнула книгу в случайном месте: – «Атом может быть мирным только в том случае, если вовремя отбирать у него вырабатываемую энергию... Запишите жену на марафон, научите ее вышивать бисером или собирать рассыпанный горох... Пять гиперактивных карапузов надолго помогут отвлечь...» Так-так-так! Значит, их будет пять! Как пальцев! И как же мы их назовем? Мизинчик, Безымянчик, Большой, Середчик и Указун?.. Жуть какая! Это кто тут бегательный, я? Да ты меня заездил! Ты выпил меня, как вампир! От меня остались одни кости шестидесятого размера!

– Иди сюда, мой маленький котенок! – сказал Эссиорх.

Он посадил Улиту на колени – Багров зажмурился, ожидая услышать хруст костей, поскольку Улита гораздо полнее раскрывала образ бегемотика, чем котика, – и стал ее тихонько раскачивать. Она ругалась, а он улыбался одними глазами и с любовью смотрел на нее. Багров наблюдал за этим с осторожным недоумением. Он еще не понимал того, что сам Эссиорх понял уже давно. Для Улиты путь к свету связан с детьми. Никакие лекции о добре, никакие рассказы о свете тут не помогут. Улита их, конечно, послушает, но потом все равно будет все громить и успокаивать себя шопингом. Дети же непрерывными с ними связанными скорбями, недосыпами, болезнями, капризами, неудачами в школе будут откалывать от Улиты кусочки ее несовершенства и учить ее терпению.

Бывшая ведьма еще немного поворчала и ушла в соседнюю комнату, где Люль раскачивал детскую кроватку со звуком вскрываемой ломом двери.

– Это хорошо, что она прочитала... К таким вещам надо готовить постепенно! При равномерном и неназойливом повторении мысли людям начинает казаться, что она их собственная! – задумчиво заметил Эссиорх. – А вообще ничего не может быть лучше брака, хотя со стороны любой чужой брак выглядит, конечно, как полный дурдом.

– Любой? – почему-то с острым интересом переспросил Багров.

– Ну почти любой. И вообще: поверь моему опыту. Каждой женщине нужна своя маленькая кухонька, где она сможет воевать с посудой и печь тортики, оставляя там свои негативные эмоции. Освобожденная от кухонного рабства женщина моментально начинает устраивать революцию или разносит себя в клочья каким-либо другим способом.

Матвей усмехнулся. Эссиорх подошел к столу и решительно сбросил с него все наброски, вместо них положив папку. Папка была обычная, купленная в канцелярском магазине. Под надписью «Для рисования» помещался неопределенный размытый пейзажик, какие любят лепить на папках, чтобы не пробуждать в прочих художниках лютого зверя конкуренции.

Внутри папки обнаружились фотографии, распечатанные в формате принтерного листа. Все они были сделаны в большой спешке и качество имели неважное, но все же достаточное. На первой было непонятное чудовище, смахивающее на крота-гиганта, склеенного из кусков растрескавшейся скалы. У крота были крошечные глазки и множество мелких зубов, похожих на терку. На задней ноге была глубокая, до кости, рана, покрытая чем-то густым, похожим больше на смолу, чем на гной.

– Вот, – сказал Эссиорх. – Этого красавца боевая двойка златокрылых видела в районе «Чеховской»! Он вышел на поверхность прямо под памятником Пушкину. Памятник упал на него, и монстр его уничтожил. При попытке атаковать его маголодиями чудовище скрылось под землей, разворотив асфальт. Теперь «Чеховская» закрыта и там идут ремонтные работы... И, думаю, долго будут идти.

– А памятник как же? Получается, его уже нет? – спросил Багров.

– Пришлось заменить на новый. Конечно, память очевидцам мы подчистили, но отсутствие Пушкина скрыть бы не удалось, – сказал Эссиорх.

– Поставили морок? – понимающе спросил Матвей.

– Ну зачем же морок? Морок – это совсем не то... На памятнике любят сидеть голуби, а как они усядутся на плечи мороку?..

– И кто отлил новый памятник? И так быстро?

Эссиорх скромно потупился:

– Да вот. Я и отлил. Кто же еще?

– И что? Он такой же, как и прежний?

– Ну скажем так... Внешне почти такой же, но с мелкими отличиями... Старый Пушкин, например, не мог ходить ночами по Москве, а этот сможет. У Москвы появится красивая легенда... Представь: сидит на лавочке влюбленная парочка, к ней подходит памятник и, грозя пальцем, спрашивает: «Меня читали? Ай-ай-ай! Ну почитайте на досуге «Каменного гостя»!

Эссиорх решительно убрал фотографию крота и показал Багрову следующую. На ней была растянутая, как пружина, спираль. О том, насколько она огромна, можно было судить по тому, что рядом с ней был красивый красный мост, ведущий через Москву-реку в районе Серебряного Бора.

– Ничего не напоминает?

Матвей всмотрелся:

– Громадный змей!

– Да, – согласился Эссиорх. – Скорее всего, океанский или морской, потому что речка для него мелковата. Но все же к нам он приплыл по реке.

– Зачем он в Москве, если он морской?

– Резонный вопрос, – сказал Эссиорх, показывая следующий снимок.

На нем было семь плоских колес разного размера. Не совсем ровные, с небольшими зазубринами, колеса катались каждое по отдельности, но в случае опасности запрыгивали одно в другое и все сооружение скатывалось в трубку. Эти моменты были запечатлены уже на следующих фотографиях.

– Но эти коврики хотя бы выглядят дружелюбно... – сказал Матвей.

Эссиорх хмыкнул:

– Три боевые двойки златокрылых пытались объяснить самому маленькому коврику, что не надо кушать троллейбус. Невкусный он. Витаминов мало. Сорок минут они ему это втолковывали. Перепробовали все боевые маголодии.

– И коврик что-то понял?

– Понял, что его хотят обидеть. Оставил в покое обмусоленный троллейбус и отправился жаловаться другим коврикам. После этого все семь ковриков запрыгнули один в другой и уда-

рили таким зарядом энергии, что пруд в Останкине выкипел до дна. Воды не осталось ни ложки. И это в лютую стужу!

– Да, я видел столб пара, – кивнул Багров.

– Все его видели... Целая толпа людей успела заснять его на телефоны и повсюду выложить. Теперь даже память бесполезно стирать. Но поехали дальше!

На следующем фото была улыбающаяся девушка, делающая селфи на фоне парковой ограды. Багров некоторое время изучал девушку, подозревая в ней полуденную ведьму или вампира:

– Мавка? Зомби?

– Хм... Зубки тебя с толку сбили? Зубки правда примечательные. Но ты ошибся. А *posse ad esse non valet consequential*². Если это и вампир, то пока не проявившийся. Это будущий стоматолог Зоя Колпакова выкладывает в соцсеть десятую за день фотографию... Не на девушку смотри! На ограду!

Багров стал внимательнее изучать ограду. На барельефе опорной части ограды между нейтральных вазонов и пышных пошловатых цветов был почему-то изображен...

– Дракон! – воскликнул Матвей.

– Да, – согласился Эссиорх. – Дракон подвида *anguis in herba*³ спешно пытается замаскироваться. Но у него не получается. Вот тут лапа не до конца цвет поменяла. Тут чешуя на спине... Невероятно! *Anguis in herba* – лучший в маскировке вид! Если мы увидели его на снимке, значит, он ранен или болен!

– И откуда все это? Новые козни мрака? – спросил Багров.

– Вначале я тоже заподозрил мрак, но после усомнился. Вот этот садовый гном разворотил крыло их резиденции на Большой Дмитровке! – Эссиорх вытащил из папки следующий снимок, явив существо, напоминавшее вытесанного из дубовой колоды лешака.

Вот только это был не лешак. Лешаков Багров в свое время перевидал немало. В этом неуклюжем бородатом «гнومه» угадывались огромная сила и одновременно недоработанность, громоздкость. Вытарашенные глаза под косматыми бровями смотрели грозно, но в то же время и наивно.

– Это не творения мрака! Это творения первохаоса! Дети Геи и Урана! – воскликнул Матвей.

– Да, – согласился Эссиорх. – Множество творений первохаоса, которых на земле осталось мало, поскольку магия иссякает, зачем-то спешат в Москву! И у всех есть кое-что общее. Они все изранены или больны.

– Но почему сюда? – спросил Багров.

– *Ignoramus et ignorabimus*⁴, – пожав плечами, ответил Эссиорх, которого явно тянуло сегодня на латынь.

– *Ignorantia non excusat*⁵, – отозвался Матвей, тоже читавший когда-то Тацита и Цицерона с листа.

Эссиорх взглянул на него с удивлением. Потом вспомнил.

– Я как-то всегда забываю, что тебе двести лет, – сказал он.

– Даже чуть больше, – кивнул Матвей.

² По возможному еще не следует заключать о действительном (лат.).

³ Змея в траве. *Здесь: скрытая, смертельная опасность* (лат.).

⁴ Не знаем и не узнаем (лат.).

⁵ «Незнание не оправдывает» или «*Ignorantia non est argumentum*» – незнание не довод (лат.).

Глава пятая. Флейта, крылья и спата

Премудрость, благость и всемогущество Божии наипаче в том усматриваются, что Господь каждого из нас ставит на такое место, где мы можем, если захотим, принести Богу плоды добрых дел и спасти себя и других, и что из величайших грешников Он делает праведников, повинующихся благодати Его, влекущей ко спасению, и дивно спасает нас от всяких обстояний, похищая от самой гибели.

Св. Иоанн Кронштадтский

Москва была февральская, серая. Из широких труб Капотни лениво выползал тяжелый дым и, почти не отрываясь от земли, жался к крышам. В окнах зажигались неохотные утренние огоньки. Вспыхивали на мгновение, гасли и потом опять зажигались. Это проснувшиеся москвичи, совершая геройский подвиг, тащились в ванную. Включали свет, ощущали резь в глазах и опять поспешно выключали его, давая глазам привыкнуть.

Ветер толкал в бока тучи, гоня их по восточному краю города наверх, к Щелковскому шоссе, а оттуда левее, к Ярославке, где строился самый высотный в Москве комплекс, известный как «Башня». Первое слово названия фигурировало только в проекте, в рекламе же тактично обходилось. Это тактично обходимое слово было «Вавилонская». Действительно, по архитектурному замыслу комплекс «Башня» должен был превзойти знаменитое недостроенное сооружение древности, сломанным зубом торчавшее теперь где-то в недрах Тартара.

Но отсюда комплекс «Башня» был не виден. О нем в столице вообще еще мало кто знал. Разве что Пуфс в своей темной комнатке на Большой Дмитровке, 13, заранее лелеял его в отчетах. Ежедневные отчеты он писал обычно после полуночи. Каждый отчет был шедевром канцелярского жанра. Успехи не то чтобы преувеличивались, но выглядели очень выпукло и эффектно, неуспехи отнюдь не замалчивались, но выражались так округло и достойно, что казались мелкими пятнышками на сверкающем плаще карьеры начальника русского отдела. Завершалось все мыльно-ускользающим финалом. К каждому отчету прикладывался и паке-тик с ежедневными эйдосами, тщательнейшим образом запечатанный, чтобы никто из курьеров не позарился.

Ну да шут с ним, с Пуфсом! Пусть сидит себе в своей норе, откуда не видно даже ночного мигания светофоров, и пишет кровью четвертой группы, для тонкости письма облизывая кончик пера синеватым языком. Не нужен он нам сейчас! Не просто же так мы начали с труб Капотни!

Совсем недалеко от этих труб – если, разумеется, смотреть оттуда, где летают лишь птицы и боевые двойки светлых стражей, – на замерзшем льду Москвы-реки в районе Южного порта Мефодий Буслаев бился с Варсусом. Рядом на пустом ящике сидела Дафна и, поджав под себя ноги, смотрела. Возможно, если бы она не сидела здесь и не смотрела, Мефодий с Варсусом не бились бы с такой горячностью. Хотя кто их знает...

Поблизости мерз Корнелий, одетый в кучу свитерков, курточек и кофточек, которые выглядывали друг из-под друга как капустные листья. Ниже всех в этом бутерброде одежды помещалась футболка, ворот которой носил следы зубов. Имелась у Корнелия такая творческая привычка жевать ворот футболки. Варвару эта привычка, помнится, выводила из себя. Она вопила и колотила Корнелия подушкой.

У ног Корнелия свернулся на льду песочный грифон. Скучая, он то и дело начинал клювом хватать Корнелия за шнурки. Хранитель грифона, не оглядываясь, хлопал его по клюву свернутой газетой. Причем хорошо так хлопал, от души. Грифон обиженно отдергивал морду,

но постепенно забывался и опять тянулся к шнуркам. Уж больно заманчиво вздрагивали их концы, когда Корнелий подпрыгивал, наблюдая за схваткой.

– Ты в курсе, что поднимаешь газету на одного из сильнейших грифонов мироздания, который может за пятнадцать минут уничтожить средний город? – поинтересовалась Дафна.

– А он в курсе, что хорошие дорогие шнурки по одному не продаются? А клюв у него, между прочим, покруче секатора! – отвечал Корнелий, и опять грифон получал газетой.

А рядом вспарывали воздух боевые маголодии. Изредка маголодия задевала клинок, и тогда тот звенел как отламывающаяся сосулька.

Мефодий орудовал спатой, хищные нравы которой были смягчены защитной магией, чтобы не наносить серьезных ран. Оружием Варсусу служили его рапира и пастушья дудочка. Маголодиями этой дудочки Варсус раз за разом сшибал Мефодия с ног, заставляя его кувыряться на льду. Мефодий вскакивал и как петух бросался на Варсуса, пытаясь пробиться к нему вплотную. В ближнем бою, он был уверен, короткая спата окажется удобнее рапиры, но увы... Варсус не собирался делать Мефу такой подарок. Лишь однажды Варсус позволил ему прорваться, ловко отвел удар спаты, материализовал крылья, взлетел и... опять Мефодий оказался на льду – распластанный, как лабораторная лягушка.

– И заметь, – самодовольно сказал Варсус, пролетая над ним, – я тебя еще щажу! Маголодии подбираю самые безобидные. Одна серьезная маголодия – и ты бы не поднялся! А эти так, чисто мух погонять!

Мефодий уже вставал со льда, еле-еле. Приподнимался на руках – и падал. Варсус же всякий раз дожидался, пока он окажется на ногах, и безжалостно сшибал его маголодией.

Дафна понимала, что Буслаев все равно не остановится. Признать свое поражение не в его правилах. Она выудила из рюкзака Депресняка и хорошенько встряхнула, чтобы он проснулся. Пригревшийся Депресняк пробуждаться не желал. Он провисал, точно вообще не имеющий позвоночника, а по бокам у него трепыхались два сложенных кожистых крыла.

– Дебря! Лети на ручки к дяде Варсусу! – крикнула Дафна.

Едва увидев кота, Варсус завопил и, ударив крыльями по воздуху, поднялся метра на три:

– Нет-нет! Убери!

– Ты не любишь котиков?

– Почему? – оспорил Варсус. – Недавно у одной старушки я видел чудесное чучело кота! Тоже, кстати, абсолютно лысое, но оно-то облезло от времени!

– Завидуешь? Так и скажи! Иди ко мне, моя расчесочка! – Дафна поймала Депресняка и провела его лапой по своей челке. Депресняк послушно выпустил когти.

– Три в одном! – сказала Даф. – И котик, и средство самообороны, и волосы в порядок привести!

– Опасно играешь! – Убедившись, что Депресняк за ним не гонится, Варсус с облегчением вздохнул и, спрятав рапиру в ножны, осторожно опустился на землю между Дафной и Мефом.

– Все! Перемирие! – сказал он, показывая Буслаеву пустые ладони.

Мефодий никак не мог определиться, на какую ногу опереться, чтобы было не так больно стоять.

– Ладно. Я признаю, что ты сильнее, – буркнул он. – *На данном этапе!* Ты неплохо управляешься с рапирой, а маголодии дают тебе дополнительные преимущества. И еще, конечно, крылья. Для стража света я летаю пока возмутительно плохо.

Варсус пожал плечами.

– Ну почему же возмутительно? Я вот не возмущаюсь! – насмешливо сказал он, и это было не совсем правдой, потому что летал Мефодий как раз неплохо, а тренировался так и вовсе по несколько часов в день.

Тренировался до того, что лицо у него от мороза становилось все красное и Дафне долго приходилось лечить его от насморка.

– Зачем ты опять жался к домам? Я видела! Ты же ломаешь себе крылья! – говорил он.

– Я к ним жался уже потом, когда устал. Обычно я держусь выше, – оправдывался Меф.

– А жался зачем?

– Грелся. Я понял, что вдоль дома всегда идет теплый восходящий поток воздуха. Там же форточки, вытяжки, открытые окна. И ветер никогда не может быть сразу со всех сторон большого дома. Одна из сторон всегда прикрыта. Поэтому вороны всегда и жмутся к многоэтажкам.

– Угу. И порывы ветра бывают. То он северный, то вдруг резко южный. Шарахнет о «безветренную» стену – и готово...

– Кстати, непредсказуемость – это где-то и плюс! – возражал Меф. – Большинство стражей учились летать в идеальных условиях Эдема. В Эдеме, конечно, тоже есть водопады и деревья, но такого мороза, проводов и бетонных многоэтажек уж точно нет... Так что я смогу стать стражем с идеальной городской подготовкой.

– Если не погибнешь во время учений. Играть в русскую рулетку – это не значит практиковаться в стрельбе! – спорила Дафна.

Стоявший рядом Корнелий вздохнул. Ему невыносимо было слушать любые разговоры о крыльях – как безногому тяжело говорить о футболе или лыжных гонках. Песочный грифон вновь ущипнул его за шнурок. Корнелий замахнулся было газетой, но, так и не ударив, присел и стал гладить грифона по желтоватому, с отдельными темными разводами клюву. Его загибающийся кончик был таким узким и тонким, что грифон сумел бы взять с земли горошину. Дальше клюв расширялся и имел сходящиеся пальчатые края. Этой частью клюва грифон легко перещелкнул бы коровью ногу. Однако Корнелий бесстрашно открывал грифону пасть и проводил по пальчатому краю пальцем. Дафна и Варсус не рискнули бы повторить за ним этот трюк. Корнелий был единственным, кому грифон позволял лезть себе в рот. Другие могли попасть туда только в качестве еды, так как грифон питался отнюдь не нектаром.

Мефодий взглянул на свою спату:

– А что, если привязать к флейте спату? Ну как штык?

– Блестящая идея! – восхитился Варсус. – А еще лучше сразу привязать к флейте рояль! На тонкой такой цепочке. Его можно раскручивать как моргенштерн. Убийственная комбинация! Ближе к тебе точно никто не сунется.

Мефодий опустил на корточки, поднес флейту к губам и попытался выдохнуть хоть какой-то звук. Метрах в двухстах от них, в порту, заскрипел старый кран, словно кто-то провел по его стреле ржавым напильником. Мефодий поспешно отдернул флейту от губ.

– Неплохо! – похвалил Варсус. – Только не говори, что ты целился в кран. Не поверю.

– Я вообще никуда не целился!

– Я так и понял. Но все равно: у тебя уже выходят маголодии.

– Да! Но при этом я не знаю какие! – признался Меф. – Все равно что крысу пустить бегать по клавиатуре! Рано или поздно она напечатает какое-нибудь слово!

– Ну это да, – лукаво согласился Варсус. – А вдруг это будет какое-нибудь философское слово? Может, через эту крысу с тобой связываются древние забытые боги?

Мефодий посмотрел на его полосатый шарф.

– Тебя давно не душили? – вежливо спросил он.

Пастушок застенчиво улыбнулся, подтверждая, что Буслаев угадал.

Есть такой простой закон. Человек любит делать то, что у него получается. Летать у Мефа выходило, поэтому летал он много и быстро прогрессировал. Дафна даже побаивалась, что, много возомнив о себе, Мефодий рано возьмется за сложные фигуры и переломает все кости. А вот с флейтой дела обстояли неважно. Эльза Флора Цахес буквально за голову хваталась.

– Я фрошила долгую физнь! Каких только уфеников у меня не было! Фыфают гении! Есть фросто таланфлифые уфеники! Фстрефаются лентяи! Фыфают фолные крефины! И, наконец, фыфает Мефодий Буслаефф! – жаловалась она Троилу.

– А что такое-то? У мальчика нет слуха? – тревожился Троил.

– У мальфика нет вообфе нифего! Слуха! Терфения! Фелания! Уфафения к музыке! Фы только посмотрите, как он дерфит флейту! Он же дуфит ее фальцами! А струя фоздуха у него какая? Он фто, грелку софирается лопать?

Даже простейшие маголодии, которые начинающие стражи осваивали за несколько уроков, редко попадали у Мефодия в цель. В Эдеме уже ходила шуточка: «Где нужно находиться, когда златокрылый страж Буслаев начинает стрелять? – Самое безопасное место – прямо напротив мишени!»

Любимым учеником у Шмыгалки сейчас стал Корнелий. Раньше Эльза Флора относилась к нему без особого внимания, тем более что особого рвения он не проявлял. Обычный середнячок. Однако пережитые страдания сблизили его с музыкой и одарили такой глубиной, какая и в Эдеме была не у многих. Корнелий становился не рядовым исполнителем маголодий – в конце концов, таких десятки! – а их творцом. Эльза Флора всегда чутко это подмечала.

Варсус хлопнул Мефа по плечу. Буслаев, шатко сидевший на корточках, качнулся.

– Учуй! Запоминай! Знаешь, в чем твоя главная ошибка? Ну за вычетом техники дыхания и так далее? Чтобы маголодия попала в цель, нужно четко увидеть предмет. В мельчайших деталях. Почувствовать. Превратить его в музыку, а потом своей музыкой изменить суть первоначального предмета. Как бы заново создать его, но уже измененным... Вот скажи: ты видишь, что на том кране, в который ты случайно попал, сидит большая ворона и держит в клюве селедочную голову?

– Да! – осторожно сказал Меф, пытаясь взглянуться в кран, тонущий в дыму и тумане.

– Солгамши, батенька! Нет там никакой вороны! – расхохотался Варсус.

– Так и ты соврал.

– Я из педагогических целей! Мне было важно показать, что златокрылый страж Мефодий Буслаев врет как сивый... э-э... лошак!.. ну неважно, не будем на этом акцентироваться!.. И, кстати, имей в виду: перья потемнеют!.. А так – тренировка, тренировка и еще раз тренировка! Ничего другого я предложить тебе не могу. Как-нибудь мы с тобой отправимся на пустырь. Там соберем кучку камней. Идеальный размер – где-то с треть кирпича. Я буду их в тебя бросать, а ты отбивать маголодиями! Вначале по одному камню, потом по два, а потом я буду запускать камни прямо цепочкой, по кругу.

– А если я не отобью?

Варсус почесал нос кончиком дудочки:

– Никто не обещал, что учиться будет легко! Но практика показывает, что такой способ образования можно приравнять к экстернату. После двадцатого перелома носа ты станешь настоящим профи в отбивании камней, и тогда мы перейдем на что-нибудь более капитальное... Скажем, сменим кирпичи на строительные плиты. Ну а Дафна, насколько я понимаю, любит тебя не за внешность?

– Представь себе, нет! – заверила его Дафна.

– Спасибо, что просветила. Это такой намек, что ты не против, если мы сразу начнем со строительных плит?

Варсус расхаживал перед Мефом такой самодовольный, что хотелось ткнуть его носом в сугроб. Из-под курточки, там, где ее не закрывал шарф, выглядывал свитер-кольчуга. Теперь, когда Варсус одержал над Мефом такую очевидную и блестящую победу – да еще на глазах у Дафны! – он преисполнился покровительственности. Ему хотелось поучать:

– Ну с флейтой ясно. Теперь с крыльями! Ну-ка, полетай!..

Мефодий покачал головой. Ему слишком дороги были полеты, чтобы летать при Варсусе, выслушивая бесконечные потоки критики. Один из скрытых смыслов обучения, как известно, заключается в зачистке конкурентов. Для того-то имеющих способности людей, особенно писателей, художников, поэтов, часто собирают вместе, чтобы педагог, нередко сам не состоявшийся как профессионал, вовремя убил в них веру в себя и перепрофилировал на более полезную обществу деятельность.

– Ну хорошо! – сказал Варсус неохотно. – Я и так видел тут недавно, как ты летаешь! Случайно, разумеется!

– И?..

В памяти у Мефа вспыхнули вдруг слова Арея: «Если тебе, синьор-помидор, когда-нибудь потребуется победить Варсуса, тебе придется одолеть его в воздухе». Чувствовал ли Арей что-то уже тогда, или это был просто логический расчет, учитывавший, что в маголодиях Мефодию с Варсусом долго не сравняться?

– Не могу сказать, что летаешь ты плохо. Замечания, конечно, есть, но бутылки сдавать тебя уже можно посылать, – похвалил Варсус, пальцами заботливо снимая с рукава Мефа прилипший мусор. – Я тебя, кажется, в грязь недавно уронил.

– Как раз бутылки и нельзя, – заметил Мефодий.

– Почему?

– Потому что, когда я буду пролетать над тобой, у меня сумка прорвется.

Варсус расхохотался. В одно мгновение он сделал быстрый перекат, и в руке у него возникла дудочка.

– Можешь рискнуть! Ни одна бутылка в меня не попадет! – заверил он.

– Попадет, – пообещал Буслаев. – Я их наводящим заклинанием подправляю. Они за тобой даже разбитые, стеклянной пылью летать будут. Даже если ты их в атомы превратишь, и тогда не отстанут. Мирный атом – это тоже, знаешь ли, великая сила.

– Мальчики! – жалобно сказала Дафна. – Может, хватит? Ну что вам делить!

– Ты действительно хочешь знать ответ или это вопрос риторический? – быстро спросил Варсус.

Дафна отвернулась. Показывая, что ответа она добиваться не будет, пастушок миролюбиво поднял руки.

– Я ни с кем не ссорюсь! Я скомпенсированный, без скрытых комплексов! Мне самоутверждаться не надо! – произнес он с улыбкой и зачем-то потянулся пальцем к золотым крыльям Мефа.

Грифон, мирно сидевший у ног Корнелия, внезапно рванулся вперед и сшиб Варсуса с ног. Произошло все так внезапно, что Варсус не успел среагировать. Да и никто бы не успел. Мгновение – и клюв грифона щелкнул перед самым лицом пастушка.

Вжатый в снег тяжелой лапой, молодой страж даже не тянулся к своей дудочке. Не существует такой маголодии, которая мгновенно убьет грифона. Ранит – возможно. Разозлит – ну это уж стопроцентно.

– Убери... его! Он сломает мне грудную... клетку! Не могу... дышать, – с усилием выговорил Варсус.

– А ну фу! Брысь! Пошел!

Опомнившийся Корнелий повис у грифона на шее и, колотя его газетой, оттащил. Со стороны это выглядело потешно: грифон, который не испугался бы и танка, пятился от газеты, шипел на хозяина, но слушался. Но хотя грифона и удалось усмирить, его круглый глаз по-прежнему недобро косил на Варсуса. Казалось, грифон говорит: «Как жаль, что ты не атаковал меня маголодией!»

Варсус поднялся. Щеки у него были пепельно-бледными. На правой щеке алела царапина. Кажется, грифон все же задел его клювом.

– Бешеный! Таких надо в наморднике держать! – крикнул он срывающимся голосом.

Грифон шагнул к нему, таща на себе Корнелия. Ноги хранителя прочерчивали по льду борозды в поисках, за что бы уцепиться.

– А ну хватит! Назад!.. Сам не пойму, что на него нашло! – оправдывался Корнелий. Ему наконец удалось запрыгнуть грифону на спину и прижаться щекой к его спине, чтобы не мешать работе крыльев.

– Мы, пожалуй, немного полетаем. Долго прощаться не буду! Счастливо! – крикнул он.

Грифон оттолкнулся задними лапами, попытавшись в прыжке сшибить-таки Варсуса с ног. Но пастушок успел отскочить. Грифон заклекотал и, тяжело работая крыльями, стал набирать высоту.

Варсус тяжело дышал и, растирая рукой грудь, одновременно шарил по ней, проверяя, на месте ли какая-то вещь. И, судя по тому, что щека его дрогнула словно от легкой, но сладкой боли, искомый предмет был на месте.

– Он тебя чуть не прикончил! – сказала Дафна.

– Кто? Грифон?! – резко отозвался Варсус. – Это так... эмоции... Всё! Я замерз! Как насчет того, чтобы погреться в кафе? Кто «за»?

Дафна, оглянувшись на Мефодия, подняла палец. Буслаеву не хотелось никуда тащиться с Варсусом.

– Еще восьми утра нет! Все закрыто, – сказал он.

– Ничего! Найдем что-нибудь! – заверил пастушок и, материализовав крылья, полетел над самым льдом, изредка садясь на него, чтобы поторопить Дафну с Мефодием.

Открытое кафе отыскалось на верхнем этаже круглосуточного грузового автосервиса. Вскоре они пили чай из картонных стаканчиков и смотрели в застекленное окно, как прямо под их стол медленно втягиваются огромные трейлеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.